

Арина
Теплова

Боярыня
Марфа

Арина Теплова

Боярыня Марфа

«Автор»

2026

Теплова А.

Боярыня Марфа / А. Теплова — «Автор», 2026

Хотела помочь сыну, а попала в другой мир. Теперь я — Боярыня Марфа Адашева — жена старого мужа и опального боярина. В мой дом ломаются опричники по приказу царя, угрожая расправой. Мой муж пропал, но скорее всего сбежал. А у меня на руках двое малых детей. И теперь я первая подозреваемая в сговоре с изменником — мужем. Но никто не знает, что боярин Адашев умер и в его смерти, похоже, виновата тоже я

© Теплова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	45
Глава 19	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Арина Теплова Боярыня Марфа

Глава 1

Новгород, дом боярина Адашева, 1570 год

— Матюшка... Ма... — горько позвал тонкий голосок ребёнка, и моё плечо сильнее затеребили. — Матюшка, встань...

В голове шумело так, что казалось, её разрывает изнутри. Кто-то теребил меня за плечо, и что-то мокрое тыкалось в лицо.

Я едва пришла в себя. Явственно услышала всхлипывания над собой.

— Наташка, не трожь её! Померла она! — раздался другой детский голос, более жёсткий. — Видишь, кровушки сколько.

Дёрнув головой, я окончательно пришла в сознание и открыла глаза. И тут же увидела, как мальчик лет шести оттаскивает от меня за руку девчущку лет трёх. Она была светловолосой, лохматой и в слезах. Малышка упорно цеплялась за мою одежду маленькими пальчиками, не желая отходить.

Я мотнула головой и, чуть приподнявшись на руках, села. Огляделась.

Где я?

Незнакомая обстановка. Мрачная комната, освещённая мерцающими свечами. И эти незнакомые дети рядом.

— Наташка, пошли! Бежать надо! — снова выпалил паренёк, оттаскивая маленькую девочку ещё дальше от меня.

Мальчик невозможно походил на моего Андрея. Сына. Только был чуть помладше.

— Андрей? — позвала я тихо.

Услышав мой возглас, светловолосая девчущка обернулась и выпалила, чуть картавя:

— Жива... Матюшка жива, Андрейка!

Оттолкнув мальчика, она снова устремилась ко мне, бросилась на колени и припала к моей груди. Прижалась мокрым личиком к шее, обхватив тонкими ручками.

Отчего-то я сидела на полу. Он был деревянный и тёплый. Я попыталась придержать девочку, не понимая, что происходит. Подняла руку, на которую опиралась до того, и ощутила, как по ней что-то течёт. Бросила взор. С моей ладони стекало что-то тёмно-красное и густое.

Это что? Кровь? Моя?

— Матушка! — тут же воскликнул мальчик, бросившись рядом со мной на колени и заглядывая в глаза. — Ты жива?

Невольно осматривая руку, я понюхала её. Действительно, это была кровь. Ещё свежая. Но откуда она? У меня вроде ничего не болело. Только голова сильно гудела, а в ушах стоял шум. Пробежавшись взором по странному длинному платью из золотистой парчи, которое отчего-то было на мне надето, я отметила, что на нём нет крови.

— Андрей, что случилось? — спросила я мальчика.

— Матушка, там демоны в чёрном! — заявил мальчик испуганно. — Они в дом ломаются. А все слуги сбегли!

В следующий момент раздался громкий треск, и слюдяное окно разбилось вдребезги, рассыпавшись цветными осколками на пол около нас. Влетевший внутрь увесистый камень, прокатившись по полу, остановился около ножки стола.

Тут же шум в моих ушах стал утихать, и я отчётливо услышала другие звуки: громкую ругань, доносящуюся с улицы, и топот лошадиных копыт.

— Открывай, собака! Мы тебя все равно выкурим из твоего логова! — раздался хриплый мужской рык с улицы.

Собака? Демоны в чёрном? И я что, правда, слышала стук лошадиных копыт под окном?

— Ломайте дверь к едрёной матери! — раздался снова мужской крик с улицы.

— Сейчас судить тебя будем, польский прихвостень!

Только в этот момент я поняла, что нахожусь не у себя в квартире, а где-то в другом месте.

И тут комната, в которой мы с детьми находились, содрогнулась от сильных ударов. Словно кто-то или что-то билось в наружную стену.

— Отпирай, продажный пёс! Государь судить тебя желает!

Глава 2

Инстинктивно чувствуя, что медлить дольше нельзя, я поднялась с пола, встала на ноги. Голова немного кружилась. Вокруг происходило что-то тёмное и непонятное.

Я огляделась.

Меня окружала какая-то старинная или даже музейная обстановка. Но такая реальная, что становилось понятно: это не сон.

Убранство комнаты очень походило на некий терем: с лавками, украшенными вышитыми коврами, слюдяными расписными окнами и деревянными стенами, в углу стоял сундук, позади массивный стол, а я стояла неподалеку от небольшой высокой кровати с витыми деревянными ножками.

Светловолосая девчушка так и жалась ко мне. Я ласково провела по её голове рукой и вымолвила:

— Подожди, маленькая.

После чего отстранила малышку и невольно пошатнулась.

Вдруг меня накрыло странное видение, пришедшее словно сон или воспоминание.

Передо мной возвышался мужчина, ростом выше среднего, дородный, с широкими плечами. Немолодой, с окладистой густой бородой и в темно-зелёном длинном облачении до пола. Тёмный, разъярённый взор его вызывал во мне неподдельный страх. Толстое, заплывшее лицо и неприятный запах пота, исходивший от него, вызывали отвращение.

Он держал меня за длинную косу и тянул вверх, что-то крича в лицо. Я не слышала его слов, в ушах стоял шум, но он явно ругал меня. Мужчина почти рвал мои волосы, и боль от этого была жуткой.

Вдруг он схватил меня за горло широкой ладонью. Я испуганно сжалась, вцепившись тонкими пальцами в неумолимую руку, которая душила меня. Я видела в его пылающих гневом глазах свой приговор — он хотел лишить меня жизни.

Во мне же мгновенно поднялась неистовая непокорность и желание выжить любой ценой. Я дёрнула головой, высвободив шею, и со всей силы ударила кулаком мужчину в грудь. Не надеялась, что это поможет, ибо мужчина был слишком силен, но он вдруг пошатнулся, отпустив меня. В его глазах отразились непонимание и даже недоумение. Он явно не ожидал от меня подобного сопротивления.

Далее я всё видела словно в замедленной съёмке.

Я снова ударила его руками, отталкивая от себя. Угрожающий мужик невольно откинулся назад и запнулся о ковровую дорожку, собравшуюся у его ног. Начал падать, размахивая руками, и в следующий миг рухнул на пол. Я испуганно вскрикнула, прикрыв глаза и думая о том, что теперь мне точно несдобровать. Отчего-то знала, что за подобное неповиновение и за то, что подняла руку на мужчину, непокорную бабу точно прибьют до смерти.

В моей голове что-то щёлкнуло, и перед глазами появилась другая картина.

Тот бешеный злой мужик недвижимо лежал около сундука, распластавшись на спине и закатив глаза. Не двигался и, похоже, не дышал. Под его головой растекалась лужа крови, а висок был разбит. Я в ужасе осознала, что он, видимо, падая, ударился о край железного сундука головой и умер. В моей груди всё сжалось от ужаса, а голова закружилась.

— Ломайте быстрее! — ворвался в моё сознание громкий крик с улицы.

И тут же видение пропало. Я снова различила перед собой малых детей: светловолосую малышку и мальчика шести лет. Они как-то непонимающе и испуганно смотрели на меня, словно ждали от меня чего-то.

— Выходи, продажный пёс!

Ах да, опомнилась я. Какие-то «демоны», как сказал мальчик, хотели ворваться внутрь дома, наверняка надо было их опасаться. А ещё это видение сейчас.

Я что... убила человека?

Оттого столько крови на тёмном полу? И она не моя. А того самого мужика в длинной одежде, которого я толкнула. И если я это сделала, то стала преступницей.

Какое-то внутреннее чутьё подсказало мне, что делать. Я быстро схватила покрывало с кровати и бросила на пол, прикрыла лужу крови. Словно знала, что никто не должен видеть её.

Я снова огляделась. Никого, кроме детей, в комнате не было. Тогда куда делся тот мужчина? Или хотя бы где его тело?

Мои мысли прервал сильный шум и треск снизу. Я поняла, что те, кто ломались в дом, выбили дверь.

Послышались крики и громкий топот ног.

— Матушка, бежим скорее! — завопил мальчик и, схватив меня за руку, куда-то потянул.

Я не понимала, что делать, но внутренний голос подсказывал, что мальчик прав. Поэтому я подчинилась и последовала за пареньком, схватив малышку за руку и увлекая её за собой. Мы прошли две тёмные комнаты, спустились по узкой деревянной лестнице и вышли в большую залу с высокими арочными потолками. Здесь было светлее. Слюдяные фонари по расписным стенам хорошо освещали тёмное пространство.

— Пойдём потайным ходом! Матушка, скорее! — выкрикнул мальчик.

Мы с малышкой уже ринулись за ним в дальний угол, как вдруг из другой двери в комнате появился мужчина в чёрном.

Увидев нас, он гаркнул как одержимый:

— А ну стой!

Замешкавшись, я невольно остановилась. В комнату стремительно вбежал другой мужчина. Он быстро приблизился к нам, встал на пути и красноречиво положил ладонь на рукоять оружия, висевшего на его поясе. Его взор был страшен и тёмный.

Я испуганно попятилась вместе с девочкой на середину просторной комнаты, понимая, что это именно те люди, которые выбили дверь, а до того выкрикивали угрозы с улицы.

Малышка испуганно вцепилась в мою юбку и заплакала.

— Воевода! Боярыня здесь! — гаркнул второй мужчина, стоявший позади.

Не прошло и пары минут, как двери в просторную светлицу распахнулись и в комнату ввалилось ещё пятеро мужчин.

Они были одеты во всё чёрное: короткие кафтаны и заострённые шапки, сапоги, на груди что-то похожее на лёгкие кольчуги. Напоминали они одеянием стрельцов, что раньше были в Русском царстве, только ходили во всём чёрном. Все поголовно с короткими бородами и недовольными лицами.

— Кто вы такие? Что вам нужно? — воскликнула я, не понимая, что происходит.

Вперёд вышел огромный бугай, широкий, словно бочка, с короткой рыжей бородой и толстым лицом. Взор его был до того бешеным, что я съёжилась, ещё сильнее прижала рукой к себе девочку.

— Верные слуги государевы, — ответил он грубым басом. — Пришли изменника боярина Адашева брат! Где он?!

Глава 3

Опять меня накрыло ясное понимание того, что вокруг происходит что-то тёмное и жуткое, но я не могла понять что. И вообще, кто эти жуткие головорезы, вломившиеся в дом?

Они явно требовали от меня что-то, но никакого боярина я не знала. Да и не могла знать, в моём времени не было никаких бояр.

Что сказать? И вообще, кто эти страшные, опасные люди и что им надо от меня?

— А мне откуда знать? — выпалила я храбро.

Малышка заплакала громче, и я прижала её к себе сильнее.

— Девку малую убери от греха! — прорычал всё тот же мужик в чёрной одежде и высокой шапке. — Где боярин? Муж твой? Где схоронился?

Остолбенев, я смотрела на этого воина в чёрном и не понимала, что сказать. Какого ещё боярина они искали? И почему именно боярина?

Слова рыжего борова: «слуги государевы», «твой муж» и «изменник» — не придали мне спокойствия, а наоборот, испугали ещё сильнее. Эти люди точно пришли не с добром. Насколько я знала, раньше не только самих изменников казнили, но и запросто могли отправить в ссылку всю их семью. А если мы с детками и были этой семьёй, то дела наши плохи.

— Сказала же — не знаю.

Я и правда не знала ничего ни про боярина, ни вообще, что им надо от нас. Лихорадочно пыталась понять, как себя вести и что ответить, чтобы нас не тронули. Отчетливо чувствовала, что эти люди опасны и раздражать их не стоит.

Рыжий мужик недобро оскалился мне в лицо, словно зверь, и с угрозой процедил:

— Берегись, боярыня... не знаешь, кому перечишь...

— Не подходите ближе! — выдохнула я непокорно, зная, что нельзя показывать свою слабость и страх этим людям.

Злобно выругавшись, рыжий бугай прохрипел:

— Парни, обыскать весь дом. Всё перевернуть! Найти окаянного пса!

Мужчины немедленно бросились исполнять приказ. Рыжий и ещё один из мужчин остались с нами. Нагло начали осматривать комнату, заглядывая в сундуки, стоявшие в углу.

Мы же с детьми остались посреди комнаты, и малыши испуганно жались ко мне. Я пыталась мыслить разумно, но у меня ничего не получалось. Мысли метались как бешеные.

Спустя четверть часа вернулись остальные мужчины. Нашли только старую служанку и приволокли её в просторную горницу, где мы находились.

— Адашева нигде нет, — ответил один из мужчин. — Видимо, сбежал, сучий сын.

— Вот старуха чернавка, под лестницей нашли, но она, похоже, немая.

Старая женщина жалобно скулила и плакала.

— Никого больше нету, Ерофей, — доложил ещё один, обращаясь к рыжему борову. — Вся челядь боярина сбежала.

— Почуяли гады, что мы приедем, вот и утекли со страху.

— Говори, бабка, где боярин твой Адашев! — прикрикнул на старуху рыжий и пнул ногой женщину.

— Прекратите это! — возмутилась я. — Не надо её бить!

После моего истеричного окрика один из мужчин загородил старую женщину от рыжего разбойника и сказал:

— Оставь бабку, Ерофей. Сдохнет ещё.

Я даже благодарно взглянула на него. Лицо его было суровым и довольно молодым, а цепкий взор спокойным. Небольшой шрам пересекал его скулу. Но поблагодарить не успела,

так как рыжий воинственный мужик, похоже, предводитель этой шайки, снова подошёл ко мне и прорычал:

— У нас указ царя, боярыня. Мужа твоего, Фёдора Адашева, пред очи царские доставить! Судить его будут, как пса продажного! Говори немедля, куда боярин уехал? Куда сбежал?

Отчего-то в эти страшные мгновения меня осенила догадка. Тот самый мужчина, который в моём видении упал навзничь в той спальне, и был Адашев. Его имя и облик ясно всплыли в моих мыслях. Мой муж и боярин, которого искали теперь эти дикие людишки. И, похоже, он теперь мёртв, а я виновна в его гибели.

И если рассказать о произошедшем этим ненормальным, то...

Что будет после, я даже боялась предположить. Меня могут обвинить в убийстве или сделать виновной в том, что царский указ не исполнен, а боярина к царю не доставили. И я даже не знала, что из этого хуже. Поэтому, испуганная и дрожащая, решила молчать обо всем, что теперь осознала.

— Не знаю, — повторила я снова.

Рыжий стремительно выдернул длинный нож, похожий на кинжал, и опасное острие замерло в сантиметре от моей шеи.

— Не гневи меня, наглая баба! — угрожающе прохрипел рыжий боров. — А ну говори, где муж твой, боярин, и немедля! Иначе...

Если бы я знала, что сказать! Но я действительно не знала. Он, похоже, умер, а об этом точно не следовало говорить этим бешеным мужикам.

Я ощутила, как острое лезвие уже давит на мою кожу, и окончательно запаниковала.

Неожиданно к нам приблизился один из мужчин, тот самый со шрамом. Положил руку на кинжал, чуть отодвинув его от моей шеи.

— Не лютуй, Ерофей. Боярыня и без того нам всё скажет... И сама... так ведь? — заявил он и вперил в меня давящий, тёмный взор.

Но я упорно молчала, так как сказать мне было нечего.

— Молчишь, поганка? — прохрипел угрожающе Ерофей.

— Я не понимаю, о чём вы.

— А ну, Кирюха, вяжи эту несговорчивую бабу! С собой заберём. В темнице она всё расскажет!

Глава 4

Не успела я опомниться, как меня схватили, заломили руки за спину и начали стягивать запястья чем-то жёстким. Да так больно, что я испуганно закричала, требуя отпустить. Но меня уже бесцеремонно потащили к двери, а я пыталась упираться ногами.

Светловолосая малышка подбежала ко мне, вцепилась в юбку и громко заплакала тонким голоском:

— Матюшка! Ма...

— Девку малую уберите! И за мной! — приказал рыжий предводитель и быстро вышел прочь из комнаты.

Один из мужчин неучтиво оторвал маленькую девочку от меня и почти кинул её на мягкую шкуру-половицу у большой изразцовой печи.

Я краем глаза увидела, как девочка снова вскочила на ножки и хотела побежать за мужчинами, что тащили меня вон. Но тут же к ней подскочил Андрейка. Он, похоже, был её братом, и, схватив малышку в охапку, удержал её. Прижал к себе и громко воскликнул:

— Не надо, Наташка! Не ходи за мамкой...

«Умный мальчик», — мелькнула у меня мысль, и в этот момент мужики вытащили меня в коридор.

Похоже, сопротивляться было бесполезно, ибо двое, подхватив под локти, почти тащили меня на весу. Впереди шествовал с факелом в руке рыжий боров, а позади я слышала тяжёлый топот сапог других мужчин.

Поджав губы, я лихорадочно пыталась понять, где нахожусь и как себя дальше вести.

Единственное, что было ясно: я какая-то боярыня, за мужем которой явились эти жестокие люди в чёрном, а ещё у меня двое деток, тех самых, которые теперь, напуганные, остались там, в просторной комнате. А ещё я только сейчас отметила, что надето на мне какое-то неудобное тяжёлое платье, сшитое из толстой парчи тёмно-горчичного цвета и украшенное жемчугом по рукавам и вороту.

Меня вывели наружу, и в лицо ударил сильный ледяной поток ветра. На улице было темно, грязно и сыро. Похоже, стояла поздняя осень или ранняя весна: много талого снега на мёрзлой земле и лысые деревья.

Чёрная карета на полозьях, напоминающая крытые сани, запряжённая двойкой лошадей, ждала у распахнутых настежь ворот. Во дворе никого не было, кроме двух мужчин в чёрном, они держали коней.

Оглядевшись, я отметила, что мы вышли из большого двухэтажного красивого дома — особняка с расписными, высокими окнами и резной крышей. Здание напоминало от искусных произведений деревянного зодчества. Остальные постройки и ворота с высоким частokoлом вызвали окончательное убеждение, что я нахожусь не в XXI веке.

Вдруг мне на плечи кто-то накиннул что-то тяжёлое, наподобие длинного пальто или тонкой шубы в пол, только расшитое дорогой тканью с лицевой стороны. Неужели кого-то из этих бешеных военных волновало, что я в одном платье? Я благодарно взглянула на того, кто укрыл меня одеждой. Это был тот самый темноволосый молодой мужчина со шрамом на щеке. Тот же, который не дал своему сотоварищу резать меня ещё в доме. Вроде рыжий обращался к нему «Кирюха».

— Гришка, Кирюха, везите боярыню в крепость! — раздался приказ рыжего борава. — А мы вокруг порыщем. Может, и изловим этого трусливого пса!

Меня затолкали в эту самую крытую карету, и со мной внутрь уселся один из мужчин, которого другие звали Гришкой. Остальные, как я успела заметить, вскочили в седла.

Сани-каре́та тронулись. А я попыталась выглянуть в замёрзшее окно, но ничего не увидела.

Тут же меня неучтиво толкнули в плечо, заставляя откинуться на жёсткое сиденье.

— Сиди смирно, боярыня! А не то и ноги тебе свяжу! — пригрозил Григорий, что сидел напротив меня.

Он был до жути страшным, с лицом, испещрённым язвами. А ещё от него невыносимо пахло потом.

Я откинулась на спинку сиденья и чуть прикрыла глаза. Смотреть на этого обезображенного не хотелось.

Пару раз выдохнула и попыталась мыслить разумно, дабы понять, где оказалась.

Мысли путались и крутились в бешеном хороводе. Отчего-то всё происходящее напоминало мне позднее средневековье, век шестнадцатый–семнадцатый, когда на Руси была смута или правил Иван Грозный.

В голове забило колоколом слово «опричники». Эти мужчины в чёрном, искавшие боярина Адашева, очень напоминали их. Одежды такие же, как у стрельцов царя, а сами мужчины чёрные, дерзкие и наглые, чувствующие свою безнаказанность. И эти опричники прославились тем, что искали государевых преступников и изменников. Вроде так мы учили в школе на уроках истории. В следующий момент я вспомнила о том, что опричники имели право даже казнить на месте неугодного человека. Давно, в юности, я читала статью про времена Ивана Грозного и про тех же опричников, а ещё роман «Князь Серебряный».

И все эти мысли вызывали у меня одно: жуткий страх и неопределённость.

А ещё там, в доме, остались маленькие дети, один из которых как две капли воды походил на моего сына Андрюшу, даже звали его так же. Те малыши считали меня своей мамой, и они были одни. Ведь, как я поняла, все слуги сбежали, и дом боярина остался пустым. А меня везли в какую-то темницу, и что будет дальше, я боялась даже думать...

Глава 5

Санкт-Петербург, 21 век

Несчастья обрушивались одно за другим. Через какое-то время ушёл муж: не выдержал постоянных врачей, анализов и моих бесконечных забот о сыне. Андрюша был болен гемофилией. Страшный диагноз поставили ему ещё в полгода, когда на его нежной коже ни с того ни с сего начали появляться синяки.

Сначала я думала, что это ушибы. Он был очень подвижным мальчиком. Но потом заподозрила неладное: однажды сильно ухватила его за ручку, чтобы удержать от падения, а на его запястье осталось черное кольцо, как от удувки.

Результаты анализов и диагноз врачей были неутешительны. Родовая гемофилия — болезнь, о которой я ничего не знала, да и не хотела знать до того дня. Но она пришла внезапно, и страх охватил меня. Изучив все про эту «дичь», я поняла, что сама являюсь носителем «вражеского» гена, который проявился в моем сыне. Болезнь передавалась только через женщин, причём у них не проявлялась, а мог в любой момент вылезти у их ребёнка — сына.

Первые пять лет прошли как в кошмарном сне. Я плохо спала, ела, переживала за своего малыша. Берегла его, словно одержимая, зная, что одно неудачное падение — и может случиться трагедия. Потом пришло смирение и какая-то апатия. Я поняла, что это не приговор, и с этой болезнью можно жить и даже иметь потомство.

Вскоре ушёл муж. Заявил, что наша любовь себя изжила и он устал. Я не стала удерживать его, видела, что в последние годы он стал чужим. Да и как не стать, когда я почти всё своё время я отдавала больному сыну. Потом меня перестали терпеть на моей высокооплачиваемой работе, постоянные больничные доконали моего начальника, и он вынудил меня уволиться.

Я устроилась кассиром в местный продуктовый магазин с графиком два через два. Благо начальник этого заведения оказался понимающим и жалел меня. Поэтому не увольнял за частые болезни сына, когда я не могла работать.

Когда Андрюше исполнилось шесть, его здоровье окрепло и стало даже лучше. И почти год мы жили хорошо, почти не вспоминая о его болезни. Но вскоре произошла неприятность.

В тот день сын катался на велосипеде и упал, разбив бедро и колено. И случилось страшное: у него долго не могли остановить кровь. Правда, в больницу нас на скорой отправили быстро, там Андрея даже прооперировали, чтобы сшить разорванные сосуды. Но все равно его организм был истощён и потерял слишком много крови.

После я сидела в реанимации рядом с его постелью. Андрюша был под капельницей и на искусственной вентиляции лёгких, не приходил в себя два дня. Я уже не плакала, а только пыталась не потерять рассудок от душевной боли и бессилия что-либо изменить. Чуть раньше лечащий врач сказал мне, что они сделали всё, что возможно. Даже переливание крови, но спасти Андрея может только чудо.

Именно с этого дня и началась моя новая жизнь.

То утро было дождливое и мрачное. Проснувшись у кровати сына, всё в той же больнице. Андрея уже перевели в общую палату, хотя он так и не приходил в себя третьи сутки. Оглядевшись, я отметила, что все другие пациенты спят. Эти дети не были так тяжело больны, как мой сын. Просто находились в больнице после каких-то операций.

Андрей так и был без сознания, как и раньше, а медицинский аппарат, прицепленный к нему, тихо пикал и вызывал у меня тоскливые, мрачные мысли.

Я же вдруг ощутила сильный голод. Вспомнив, что ничего не ела со вчерашнего утра, решила ненадолго выйти на улицу, купить хот-дог или чебурек в ближайшей забегаловке с фаст-фудом.

Старуха отыскиала меня сама. Точнее, встала на пути, когда я перешла дорогу на зелёный свет. Я попыталась её обойти, но пожилая женщина в цветастой одежде снова встала передо мной. Она очень походила на цыганку.

— Мне некогда. Дайте пройти, — сказала я недовольно.

Поморщившись, старуха не отошла, а тихо сказала:

— Дай погадаю, золотенькая.

— Не надо, — попыталась возразить я.

Но цыганка, уже схватив мою руку и пробежавшись по ладони взглядом, произнесла:

— На твоём роду лежит проклятие, дорогая. Оттого твой сын родился больным.

— Откуда вы это знаете?

— Читаю по твоей руке, золотая. Ты в себе несёшь частицу греха, который передаётся давно в твоём роду, из поколения в поколение.

— И что же это за грех?

— Не ведаю. Но знаю, что именно он вызвал болезнь твоего сына. Кровные болезни посылаются за грехи рода.

— Что вы все грех и грех! Слушать невозможно. Мой сын не виноват, он с детства и мухи не обидел.

— Не сомневаюсь. Но несёт расплату за грешные дела своих предков.

Я замолчала, понимая, что, если сказанное неприятной старухой правда, помочь моему сыну, наверное, невозможно. Я примерно представляла, что такое карма рода. И если она очернена пролитой кровью и кровавыми делами, то передаётся тёмными энергиями из поколения в поколение.

— Хочешь спасти его?

— Спасти? — опешила я. — Андрюшу можно спасти?

— Возможно. Если не испугаешься того, что я скажу.

— Говорите, ради сына я на всё готова.

— Заранее не обещай, пока не знаешь, о чём я.

— Пожалуйста, скажите, что мне нужно сделать, чтобы спасти его?

Старуха замолчала и внимательно оглядела меня.

— Ты должна исправить то тёмное, что натворили твои предки. Исправишь — грех с твоего рода будет снят. И, возможно, твой сын выживет.

— Но как исправить? Как?

— Найти того, кто это сделал. Очернил судьбу и карму твоего рода.

— Не понимаю. Как же это сделать?

— Я знаю как. Если доверишься мне, я помогу. Но ты должна пожелать этого. По собственной воле.

— Да. Я хочу! Желаю. По собственной воле.

Старуха прищурилась и протянула мне ладонь.

— Возьми крепко мою руку, — велела она и, когда я сделала это, обхватив морщинистые пальцы, добавила: — А теперь слушай и запоминай. Я не ведаю куда, но отправляю тебя в прошлое... ты должна будешь исправить зло... и тогда... всё будет по-другому...

В следующий миг в моих глазах потемнело, и я ощутила, что теряю сознание.

Глава 6

Кап, кап.

Шум воды, стекавшей с потолка, нервировал и вызывал чувство безысходности. Я находилась в небольшой сырой камере, очень похожей на келью отшельника-монаха, только с грязной решёткой под потолком. Мягкий солнечный свет едва проникал внутрь сырого узилища.

Я снова повела беспокойным взглядом по своей темнице.

Плакать уже не хотелось, этим я занималась всю ночь, едва вчера вечером меня притащили сюда. Сегодня прошла уже половина дня, но никто не приходил, только поутру охранник принёс мне крынку с ледяной водой.

Я сидела на каком-то мешке, похоже, с соломой в углу темницы, поджав под себя ноги и кутаясь в шубу, более похожую на вышитую тканью лёгкую дублёнку. Здесь не было ни кровати, ни даже чего-то похожего на ложе. Только в противоположном углу навалено на пол грязное влажное сено. На него я не могла сесть — брезговала.

Моя длинная коса уже почти распустилась, и я не обнаружила ни ленты, ни заколки, чтобы прибрать её. Приходилось только то и дело её заплетать, чтобы светлые волосы не мешались и не лезли в глаза, а они были очень густыми и длинными, почти до ягодиц.

Всё время, пока сидела здесь, я напряженно думала только о двух вещах: сколько мне здесь ещё оставаться и как там, в доме боярина, малыши. Даже мысли о еде были не так навязчивы, как неизвестность относительно того, что со мной сделают. Если я правильно определила век, в который попала, то меня вполне могли казнить без суда и даже без объявления приговора. Указ царя — и всё, голова с плеч. Тут человеческая жизнь стоит мало, вернее сказать, ничего не стоит. И я чувствовала, что со мной может случиться всё что угодно.

Неожиданно заскрипел замок и послышались голоса.

— Отпирай быстрее, некогда мне! — рявкнул мужчина.

Охранник быстро распахнул тяжёлую решётку, служившую дверью в мою камеру. Вошли двое. Один, похожий на важного господина, в невысокой шапке, с длинной бородой и в синем кафтане, а второй — вылитый стрелец, в светло-зелёном кафтане с оружием на боку.

— Марфа Адашева, я пришёл говорить с тобой, — хрипло заявил мужчина в синем облачении.

— Сколько мне ещё сидеть здесь? — спросила я тревожно, проворно поднимаясь с мешка с соломой.

Мужчина средних лет окинул меня мрачным взглядом и ответил:

— Это будет зависеть от твоих слов. Ты подумала, боярыня? Готова сказать всё, что знаешь про мужа своего, Фёдора? Где он схоронился?

После этих слов я поняла, что моего мужа так и не нашли, и это было очень плохо. Может, если бы Адашева поймали, то отпустили бы меня? Конечно, думать так нехорошо, но я ведь не была настоящей женой боярина, а попала в тело Марфы только вчера. И почему я должна страдать за неё или даже за него? А ещё в доме наверняка плакали без меня Наташа и Андрей. Хоть бы узнать, что с ними теперь.

— Я готова сказать, но только ничего не знаю, — ответила я. — Что с моими детьми?

Мужчина не ответил и недовольно произнёс:

— Продолжаешь упорствовать?

— Я правда ничего не знаю. Могу и поклясться, и царю вашему о том сказать.

Я готова была поклясться в чём угодно, только бы меня выпустили из этого жуткого места, которое нельзя было назвать даже тюрьмой. Какая-то мокрая, грязная крысиная нора, где холодно и жутко до зубного скрежета.

— Твой муж, боярин, обвинён в царской измене. Ты знаешь, что это значит? — продолжал мужчина недовольно.

На его лице не двигался ни один мускул, кроме губ.

— Не совсем.

— А то значит, Марфа, что если царь не помилует его, то казнят не только его, но и весь его род и семейство.

Я судорожно сглотнула. А мужчина продолжал:

— Но, если откроешь, где он, царь помилует тебя и твоих детей.

Его слова вызвали у меня нервную дрожь по всему телу.

Зачем старуха-цыганка отправила меня сюда, для какого-то исправления «греха» предков, если меня вот-вот казнят? И что насчёт Андрюши и Наташи, детей боярина? Их что, тоже убьют?

Я похолодела.

Может, всё же рассказать всё как есть? Но если скажу, что Адашев умер, они потребуют предъявить его тело, а я не знала, где оно. Так что ничего это не даст.

— Но в чём мой муж виновен? Я могу узнать? — осторожно спросила я, подумав о том, что, может, смогу как-то объяснить им ситуацию и то, почему мой муж так поступил.

Всё равно надо было что-то делать. Хотя бы попытаться.

— Можешь, боярыня. Он со своими друзьями, боярами новгородскими, зло великое замышлял. Подписали они грамоту, где присягали на верность польскому королю Сигизмунду и в верности ему клялись. В той грамоте обещали полякам помочь захватить земли Московского княжества до самого Варяжского моря. А за то должны были получить богатые земельные наделы от польского короля.

Кошмар!

От такого предательства я бы на месте царя тоже пришла в ярость. Раздать земли полякам — это даже не знаю, как называется. Неудивительно, что моего мужа искали, чтобы казнить.

Глава 7

— Какой ужас, — пролепетала я себе под нос.

— Ты разве не знала о том? Муж не говорил тебе?

— Нет, Фёдор ничего не говорил мне про эту страшную грамоту. Мой муж пропал, и я не знаю, где он.

— Ой, врёшь, боярыня. Чего-то недоговариваешь, — подозрительно произнёс мужчина. — Как это муж уехал и не сказал куда? Наверняка оставил послание какое или наказал, где и как его сыскать.

— Нет, ничего не оставил. Клянусь.

И это была правда. Кроме того, что боярин упал, запнувшись, а потом лежал недвижимо, я ничего не знала. Да и сейчас не была уверена, что действительно всё это видела вчера. Ведь, попав в тело Марфы, я какое-то время была сама не своя.

Мужчина долго сверлил меня недовольным взглядом и наконец сказал:

— Вижу, вину ты свою не осознала, Марфа. Поэтому посиди-ка ещё в темнице. Подумай.

Они со стрельцом направились к выходу, а я бросилась следом. Попыталась схватить его за рукав.

— Прощу вас! Отпустите меня! Я ни в чем не виновата и ничего не знаю. У меня двое детей. Они там совсем одни!

— Странно ты говоришь, боярыня. Что это за «вас»? Как-то не по-русски.

Я тут же закусила губу, понимая, что все окружающие обращались друг к другу только на ты. Поняла, что сейчас накосячила с этим своим обращением на вы и испугалась. Ещё подумают, что я какая-то засланка нерусская, раз не знаю, как говорить надо. Но я-то прибыла сюда из другого века, и обращение вы было для меня нормальным. Но только не для этих диких, суровых людей.

— Прости! Я со вчерашнего дня не в себе, — тут же выпалила я. — Отпусти меня!

— Нет. Ты государева преступница и наверняка в сговоре со своим мужем, раз молчишь. Но ничего, если через три дня не одумаешься, мы и допрос с пристрастием применить можем.

Я недоуменно посмотрела на мужчину. Что это ещё за «пристрастие» такое? И тут меня осенило, что это! пытки!

Пока я в ужасе пыталась понять, верно ли поняла, дородный господин в синем кафтане и стрелец быстро покинули мою темницу, а охранник снова запер замок.

Я осталась одна. Обречённо уселась на мешок с соломой, и мои мысли стали мрачнее прежнего. Выпила немного воды из крынки, зябко закуталась в лёгкую шубку. Было так тошно и страшно за будущее, что я даже не хотела есть. Хотя со вчерашнего дня, как попала в это время, не держала во рту ни крошки.

Сколько я так сидела, неведомо. Но скоро в моей камере стало сумрачно, за окном садилось солнце.

В какой-то момент опять послышался скрежет открывающегося замка. Я затравленно обернулась, думая, что это охранник. Чуть раньше он обещал принести мне поесть.

Но в грязную темницу вошёл совершенно другой мужчина. С небольшой корзиной в руке и в чёрном одеянии. В высокой шапке и сапогах.

Я знала его. Это был тот самый опричник, со шрамом на щеке. Кирюха вроде. Тот, что накинул мне на плечи эту шубу, когда мы уезжали со двора, а до того не дал своему начальнику причинить мне вред.

Я вострепелась. Понимая, что он пришёл не просто так. Дикая надежда на спасение завладела моими мыслями.

— Оставь нас наедине, — велел он охраннику.

— Оставлю, но только ты недолго, Кирилл Юрьевич. А то меня накажут.

— Не бойсь. Недолго. Иди уже! — неучтиво выпроводил он охранника.

Тот ушёл, а этот со шрамом шагнул внутрь и поставил на пол слюдяной фонарь, с которым явился. Камера озарилась неярким тёплым светом. Оттого мне удалось разглядеть его лучше.

Пришедший был не стар, но и не юн. Лет тридцати или чуть больше, мощный, широкоплечий. Выше меня на целую голову.

У него были густые тёмно-русые волосы, чуть выющиеся на концах, короткая борода, красиво обрамляющая подбородок и щеки. Красноватый шрам на правой скуле, старый, едва видимый. Черты лица рубленые, словно вышедшие из-под тесака нетерпеливого скульптора, взгляд карих глаз цепкий, глубокий. Лицо выражало требовательное недовольство и в то же время участие. Казалось, что он не хотел сюда приходить, но что-то заставило его это сделать.

— Ты не знаешь меня, боярыня, — низким голосом с хрипотцой вымолвил он. — Я Кирилл Черкасов, сын государева человека — боярина Юрия Черкасова.

— Вы пришли... — Я осеклась, вспомнила про нужное обращение. — Ты пришёл помочь мне?

— Ты догадлива. Здесь в лукошке хлеб, яблоки, рыба варёная, квас. Поешь.

Он протянул мне небольшую корзину, прикрытую тряпицей, и я взяла её.

— Спасибо.

— Ещё принёс тебе волосник да убрус, — продолжал он тихо, доставая из-за пазухи вещи. — Прикрой голову, не дело это, с непокрытой головой тебе быть. Грех это.

Я на миг замерла, даже не ожидала подобной заботы от кого-то из этих страшных людей.

Приняла две небольшие вещицы из его рук: небольшую шапочку типа повязки на голову с сеткой и шёлковый голубой платок. Я не знала, почему ходить без платка грех, но не стала расспрашивать. Видимо, человек действительно хотел помочь.

— Не осерчай, боярыня. Я вот чего пришёл, — продолжал Кирилл, так к нему обратился охранник. — Дела твои бедовые. Наш сотник лютует, мужа твоего не нашли.

— Это я уже и сама поняла.

— Так я помочь тебе могу.

— Выбраться отсюда?

— Да, — кивнул он, подойдя ближе. — Ты пойми... Защитник тебе нужен. Который при власти и заступиться за тебя может.

— Да я не против, — закивала я воодушевлённо.

— Я и царю за тебя слово молвить могу, в защиту. Он послушает меня. И наверняка отпустит тебя на свободу.

— Хорошо, я буду тебе очень благодарна.

— Добро, Марфа. Только ты должна... — Он замаялся, окинул меня тёмным взглядом. Приблизился. Вдруг взял мою руку в свою ладонь и тихо произнёс, глядя прямо в глаза: — Должна ласковой со мной быть... поняла меня?

— Что? — От такого поворота я даже опешила, чувствуя, что явно что-то не так поняла.

Глава 8

Черкасов вдруг сильнее обхватил широкими ладонями мою руку и прижал её к своей груди. Склонился ко мне, заглядывая пытливым в глаза.

— Я ведь давно тебя знаю, Марфа. В церкви уже два года на тебя смотрю по праздникам. Ты красивая очень. Боярин, твой муж, уж стар и не достоин тебя. Вот если бы ты только по доброму взглянула на меня... и хоть немного приласкала... я бы...

— Ах вот как! — вскрикнула я и выдернула ладонь из его тёплых, сухих рук.

Этот наглец предлагал мне стать его любовницей? Или как в эти времена подобное называлось? И ведь ни слова про «будь моей женой», а про ласки всё говорил. И еду принёс, и платок, и вытащить меня отсюда предлагал, только причиной было не благородство, а примитивная, неприкрытая похоть. Всё ясно. Похоже, и шубу мне на плечи он накинул во дворе только для того, чтобы заслужить мои ласки в будущем. Вот наглый какой, бессовестный.

Явно хотел воспользоваться тем, что моего мужа нет, а я в удручающем положении, и решил свои тёмные желания реализовать.

— Не будет этого. Ты думаешь, я за хлеб и шубу готова любого ласкать? — ответила я возмущённо.

— Не любого, а меня. Муж твой, боярин, точно не вернётся, а если его поймут, то казнят. Так что защитник тебе нужен, Марфа. Обещаю, что позабочусь о тебе, если со мной будешь.

— Женой?

— Нет, не женой, у меня невеста есть.

Каково! Вот натуральный наглец. Невеста есть, а мне предлагает в любовницы, как я, впрочем, сразу же и подумала.

На миг у меня мелькнула шальная мысль: а может, и правда согласиться для вида? Не здесь же, в темнице, он меня захочет? А когда спасёт из тюрьмы, я от него сбегу, и всё.

Этот план показался мне даже хорошим, но только до того момента, когда я снова не окинула взглядом Черкасова. Тренированная энергичная фигура военного, яростный, опасный взор, сильные, мускулистые руки. Такой, наверное, и кулаком насмерть забить может. Ещё и оружие на боку. А что, если он взбесится, едва я попытаюсь сбежать от него? И тогда мне точно не удастся дожить до утра, ещё и под юбку залезет заодно. Он ведь опричник, личная гвардия государя, им многие позволяется. Скажет, что я государева преступница и сбежала, а он потому и казнил меня за побег. Этот точно мог такое сделать. Я видела сейчас в его диковатом взоре угрозу и даже безумие.

Хотя, наверное, только «безумец» и мог прийти сюда и говорить со мной о таком: о ласках и о том, чтобы вызволить из темницы.

И тут я осознала, что у меня всего два варианта на выбор: или отдаться этому опричнику и попытаться спастись, или же остаться здесь и ждать казни. И оба плохи.

Или всё же первый вариант был не так ужасен? Как же хотелось выжить и покинуть это жуткое место. Цена, конечно, была аморальна и неприемлема, да и не факт, что я смогла бы с ним...

Сомнения завладели мной. А вдруг эта помощь будет просто побегом? А такое наверняка каралось казнью. И если меня поймут, мне точно не жить. К тому же где-то был мой муж, боярин Адашев, и пока не нашли его бездыханное тело, он мог объявиться в любой момент. И когда он узнает, что я сбежала с каким-то мужчиной, мне будет несдобровать, если муж вообще не прибьёт за измену. Кругом царствовал домострой, и женщина становилась бесправной, едва её выдавали замуж.

Нет, принимать помощь этого опричника было не просто опасно, а смертельно опасно. И наверняка после подобного меня ещё и общество заклеймит позором. От слова «блудница» точно не отмыться будет.

— Нет, — ответила я тихо, уже приняв решение.

Всё-таки через себя я переступить не смогла. Отдаться непонятно кому, только чтобы получить мифическую свободу, нет уж. Это было выше моих сил, и моральных, и физических. Наверное, настоящая Марфа ответила бы так же. Всё же в эти времена женщины вели себя более скромной и благонаравно. Но даже мне, женщине XXI века, эта грязная сделка — «спасение за ласки» — казалась аморальной и дикой.

— Что «нет»? — переспросил Кирилл, прищурившись и, видимо, не желая верить, что я отказываюсь.

— Никаких ласк тебе не будет, понял? — процедила я твёрдо. — Я думала, ты по доброте душевной хочешь помочь, а ты не лучше того разбойника, воеводы своего рыжего, который зарезать меня хотел ещё в доме мужа.

— Не смей меня с ним равнять! Я не такой.

— Не такой, ты прав. Ты ещё хуже! — произнесла я едко, брезгливо поморщившись. Терять мне в этом мире уже точно было нечего. — Твой воевода по крайней мере честен и зло открыто делает, не скрывает. А ты притворялся добрым другом, а сейчас показал всю свою низменную натуру. И если думаешь, что я стану твоей любовницей, то ошибаешься. Никогда этого не будет!

— Одумайся, Марфа. Без меня тебе долго не протянуть. Казнят как жену государева изменника.

Он ещё угрожал и запугивал! Настоящий гад. И как я могла только подумать, что он хороший, когда он заступился сначала за бабу-чернавку, а потом за меня? Знатно я обманулась на его счёт.

Я ощутила, что моё сердце наполняется ненавистью к этому типу. Просто натуральный злодей, вот он кто! Но я не собиралась поддаваться ему. Вот теперь из принципа не буду.

— Вон пошёл, — прошипела я со сладкой улыбкой на губах. — Больше я говорить с тобой не хочу. Паскудник!

Откуда из моего подсознания вырвалось такое бьющее бранное слово, я не знала. Но оно очень подходило к нему сейчас.

Я видела, как Черкасов поменялся в лице и попятился от меня. На его скулах заходили желваки.

— Спесивая ты, боярыня... пожалеешь ещё о том, да поздно будет...

С этими словами Кирилл окинул меня тёмным взором и стремительно вышел из темницы, гаркнув охраннику, чтобы тот снова запер меня.

— Я и так жалею, что попала сюда. Знала бы, как всё будет, никогда бы не согласилась, — прошептала я себе под нос. — И зачем цыганка отправила меня сюда, если я не проживу тут и более трёх дней...

Оставшись одна, я устало плюхнулась на мешок с соломой, оперлась о холодную стену.

Я чего-то не понимала. Разве в этом времени не ценили в женщинах скромность, набожность, целомудрие? Да и Черкасов сам принёс мне платок, чтобы прикрыть голову, типа грех с непокрытой сидеть.

Однако почему мне тут же предложил стать его любовницей в обмен на помощь? Это вообще как сочеталось с благочестием, за которое ратовали в это время? Я совсем запуталась.

И всё равно он был каким-то мерзким. Нет, не внешне, а внутренними качествами, поступками. Зная, что меня могут казнить или пытать, а дети останутся сиротами, он пришёл ко мне и начал внаглую торговаться за мои «ласки», как на рынке. Как же хотелось, чтобы этому козлу прилетела «ответка» за его гнусное предложение.

Глава 9

Оставшись одна, я долго сидела с закрытыми глазами, снова и снова пытаюсь понять, что же мне делать, но ничего путного на ум не приходило.

В какой-то момент, открыв глаза, я отметила, что вокруг не темно, как вчера, когда меня приволокли сюда, а приятный свет разливается по всей грязной темнице. Я тут же бросила недоуменный взор на слюдяной фонарь, так и оставшийся на прежнем месте после ухода Черкасова.

Именно он освещал пространство. Похоже, наглый опричник впопыхах забыл его. И это было чудесно. Хоть не так жутко будет сидеть в этой тёмной, сырой норе.

Я взяла фонарь в руки, рассматривая причудливые рисунки птиц, которыми была расписана слюда. Заглянула внутрь, едва поняла, как он открывается. Там горела свеча, довольно толстая, наверняка её хватит надолго. Хоть какое-то утешение в этом жутком месте.

Проверив корзинку с едой, что принёс Черкасов, я достала продукты. Немного поела хлеба и рыбы, которая оказалась на редкость вкусной. Похоже на сома, что-то среднее между тушёным или копчёным мясом. Запила квасом. Я не понимала, то ли я такая голодная, что пища показалась восхитительной на вкус, то ли в этом веке были настолько качественные продукты, что даже запах вызвал слюноотделение.

После корзинку с едой я спрятала под мокрое сено в углу, вдруг ещё отберут. Потом начала вертеть в руках платок и сетчатую шапочку. Не знала, как её надевать, поэтому засунула в корзинку, а платок завязала на волосах как умела: просто надев на голову и концы обернув вокруг шеи и завязав назад.

Когда за решётчатым окном совсем стемнело, появился охранник, принёс мне кусок хлеба и воду. Сунул еду через решётку, поставив миску и крынку на грязный пол.

— Ешь, боярыня.

С этими словами он ушёл.

Я же опять осталась одна, довольная, что охранник не пошёл проверять мои запасы и не забрал оставленный Черкасовым фонарь.

Вторую ночь я также провела на мешке с сеном. У меня уже всё болело от скрюченного положения, в котором я полусидела, а нос зашмыгал. Сырость и холод в камере были невыносимы.

Встала, едва рассвело, чтобы размять затёкшие ноги. Немного походила по камере.

Фонарь я так и не гасила, не знала, как его потом зажечь. Ведь в это время точно не было спичек. И пользовались чем-то другим. Огнём, что ли? Но в этом я не была уверена.

Отметив, что свеча в фонаре сгорела только на четверть, я немного успокоилась. Может, и на следующую ночь мне её хватит. А там... там, может, уже и не нужно будет. Если меня казнят.

По стене, через окно под потолком, стекала вода. Я подошла к ней, брезгливо рассматривая. Она вроде была не особо грязная и не пахла. Скорее всего, или талый снег, или дождевая. Хоть и чувствуя омерзение, я всё же набрала полные ладони и умыла лицо, приходя в себя. Всё же так было лучше.

Опять начала осматривать одежду, которая была на мне.

Внизу длинная белая сорочка по щиколотку, сверху тяжёлое парчовое платье с вышивкой, короткие тёмные сапожки и шуба. Ни нижнего белья, ни украшений не было. Только простой деревянный крестик на шее на верёвке. Мысль о том, чтобы отдать охраннику какие-то драгоценности, у меня возникла ещё вчера, едва я попала сюда. Но у меня ничего не было. Возможно, боярыня Марфа не носила дома драгоценностей? Или у неё их не было. Хотя вряд

ли. Платье дорогое, да и слуги у Марфы, а теперь у меня, были. Хотя бы серьги или кольца наверняка имелись. Скорее всего, остались дома.

Я опять села на мешок и начала нервно тереть рукав платья, украшенный белым жемчугом. Всё думала о своей судьбе и как там малыши.

В какой-то момент заметила небольшие крючочки на рукаве на запястье с задней стороны. Уже через миг мне удалось отстегнуть нижнюю часть с жемчугом. Оказывается, большие манжеты были съёмными, надевались поверх рукава.

И тут меня осенила идея.

Я тут же вскочила на ноги и бросилась к решётке:

— Эй, кто-нибудь! Идите сюда! — Тут же осеклась, никак не могла привыкнуть, что все здесь говорят на ты, и поправилась: — Иди сюда! Охранник!

Только спустя четверть часа меня наконец услышали. Коренастый мужик в тёмной одежде с ключами и длинным ножом на поясе приблизился к решётке и недовольно спросил:

— Чего орёшь, боярыня? Чего надо?

— Ты должен помочь мне.

— С чего бы это? — проворчал он, зевая.

— Я тебе дам вот это. — Я быстро показала ему манжет с жемчугом. — Видишь жемчуг? Дорогой, наверное.

— Э-э-э, — протянул охранник, и на миг его глаза загорелись. Но тут же он опомнился и замотал головой. — Не выпущу я тебя, боярыня. И не проси. Это грех какой, государеву преступницу освобождать! Да меня за это самого головы лишат.

Я нахмурилась. Хотя этого можно было ожидать. Бородатый мужик больше боялся за свою жизнь, чем жаждал пожить. Но я поняла одно. Этот жемчуг на манжете точно стоит немало, раз на миг он даже задумался.

— Поняла, боишься. Но тогда хотя бы деткам моим помоги, — продолжала просить я.

— Как это?

— Одни они там остались. Андрей шести лет и маленькая Наташа. Адашевы наша фамилия. Дом у нас...

— Знаю я, где твой дом, боярыня. Не последний, чай, человек в Новгороде муж твой — изменник.

Ответ охранника обнадежил меня. Я поняла, что он готов помочь моим детям.

— И хорошо. Вот возьми. — Я протянула через решётку манжет с жемчугом. — Сходи туда, узнай, что с моими детьми. Они голодные, наверное, и...

Я не успела договорить, как позади охранника послышались шаги, и коридор озарился светом горящих факелов. Я вмиг замолчала, а охранник буркнул:

— Убери это, боярыня!

Он оттолкнул мою руку с манжетом, видимо, опасался, что сейчас его застукают за тем, как он говорит с преступницей.

Я опустила руку и напряженно посмотрела вперёд. За спиной охранника появился уже знакомый мне мужчина. Тот самый дородный боярин, который допрашивал меня вчера, только сегодня он был облачён в длинный зелёный кафтан. А с ним два стрельца.

Я побледнела и попятилась.

— Отпирай живее! — скомандовал боярин.

Они что, пришли пытать меня? Ведь ничего нового я не вспомнила, да и не знала, похоже, теперь мне совсем будет худо.

— Нет... — прошептала я в ужасе. — Не трогайте меня! Я ни в чём не виновата!

Я испуганно смотрела на них и всё пятилась.

Меня осенила мысль о том, что можно заявить, что я вообще не Марфа, а попаданка. Оттого ничего не знала. Но тут же эту мысль отбросила. ещё решат, что я безумная или, ещё

хуже, ведьма какая. И тогда точно решат меня казнить. Как в Древней Руси поступали с ведьмами? Я отчего-то не помнила. В голову лезли только знания о том, что в средневековой Европе ведьм сжигали на костре.

Глава 10

Дородный мужчина и стрельцы вошли внутрь.

— Ты свободна, Марфа Адашева, — вдруг заявил боярин в зелёном. Чем привёл меня в замешательство. — Пошли. Велено сопроводить тебя до выхода из тюрьмы.

Я недоуменно воззрилась на него. Мне это послышалось? Я свободна? Наверное, я сошла с ума. Хотя после всего, что уже приключилось со мной в последнее время, это неудивительно.

— Как свободна? — пролепетала я недоуменно.

— Заступилась за тебя, боярыня. Сам боярин Романов и дядька его, сродник Шуйский, замолвили слово за тебя, — продолжал, поморщившись, боярин. — Царь милость тебе оказал. Решил, что невиновна ты и грех мужа на тебя не идёт.

— Боже... — Я даже всплеснула руками.

Неужели и правда высшие силы или Бог решили помочь мне? Даже не верилось.

— Возьми это. — Боярин протянул мне бумажный свёрток, с конца которого болталась сургучная боровая печать. — Грамота царёва. О том, что невиновна ты. Однако запрещено тебе Новгород покидать, пока на то царской воли не будет.

— Поняла, спасибо.

— Мне-то за что, боярыня? — проворчал мужчина недовольно. — Заступников своих благодари. Моя бы воля, я бы тебя, злодейку, из застенка не выпустил.

Я поджала губы. Что за кровожадный мужик? Я, женщина, в чём виновата была? Мужчины какие-то заговоры плели против царя и с поляками, а я-то уж точно ни при чём была. Отчего такая ненависть ко мне?

Решила, что Бог судья этому жестокосердному боярину. А мне наплевать на его странные доводы о моей виновности. После известия о том, что я свободна, уже ничто не могло испортить мне настроение.

Едва охранники вывели меня наружу, я зажмурилась от ослепляющих лучей утреннего солнца. Похоже, всё же была ранняя весна. Только в это время солнышко светило так ярко.

Мне велели идти одной до высоких ворот, которые были распахнуты.

Я заторопилась. Не разбирая дороги шлёпала прямо по грязной земле и талому снегу, словно боялась, что царь передумает и заберёт обратно свою «милость». А я так хотела жить! Пусть даже в этом времени и в теле Марфы. Может, скоро пойму, почему цыганка отправила меня именно сюда.

Я быстро вышла за ворота, на миг остановилась. Прикрыла глаза. Подняла лицо и вдохнула морозного воздуха, наслаждаясь его свежестью. После затхлого вонючего тюремного духа аромат весны был просто шикарным.

Снова открыла глаза, любуясь небольшими барашками облаков, плывущих по небу. Никогда не думала, что буду радоваться какому-то небу. Всё познаётся в сравнении. Оно было синее-синее, а по нему даже летел косяк птиц. Неужели журавли?

В наше время такого и не увидишь. Прямо чудо какое-то! И что выпустили меня из этого застенка, тоже было каким-то чудом. И кто помог мне, я даже не знала. Может, у моего мужа или у Марфы был какой-то наделённый властью заступник при царе? Наверняка.

И тут я вспомнила об очень важном.

— Дети! — невольно вырвалось у меня.

Надо было немедленно бежать или ехать домой, в дом боярина. Андрюша и Наташа там совсем одни.

Я торопливо направилась вперёд, подальше от тюремных ворот. Окинула взглядом широкую дорогу, решая, куда мне идти.

И тут же замерла на месте.

Всего в десяти шагах впереди стояли крытые сани с оконцами, а рядом с ними — высокий мужчина в чёрном подбитом мехом кафтане, сапогах и меховой шапке.

Кирилл Черкасов.

Он смотрел в мою сторону и словно кого-то ждал. Вдруг двинулся навстречу.

И тут меня осенило. Догадка была такая дикая и неправдоподобная, что я боялась даже поверить в неё.

— Ты? — спросила я тихо, когда Черкасов остановился от меня в двух шагах. — Это ты помог мне?

— Я, боярыня. Романовы мои родственники по матери. Афанасий Петрович Шуйский мой троюродный дядя.

— Понятно, — глухо ответила я и тут же предостерегающе добавила: — Но если думаешь, что я буду ласкова с тобой, то ошибаешься!

Слово «ласкова» специально выделила интонацией, чтобы осознал, про что я говорю.

— Понял я это ещё там, в темнице. Не дурак чай, — хмуро выдал Черкасов в ответ.

— И всё равно решил помочь?

— Невмоготу мне было думать, что ты погибнешь, Марфа.

Я прищурилась. В мою голову полезли странные мысли о том, что всё же он не был мерзавцем. И, похоже, даже какие-то хорошие качества в нём были, раз, несмотря на мой отказ, он всё равно помог.

— И зачем теперь пришёл?

— Отвезу тебя домой. Не пешком же тебе через весь город топать. Челядь твоя вся убежала, так до сих пор и не вернулся никто. Садись в возок-то.

Он распахнул дверцу дорогих крытых саней и протянул мне руку в перчатке. Я задумалась, стоит ли ехать с ним. Хотя выбор у меня был невелик. Или самой идти неизвестно куда и сколько, или с ним. А Кирилл вроде знал, куда ехать, и предлагал помощь.

Всё же после того, что сейчас узнала, я даже немного смягчилась к Черкасову, словно посмотрела на него другими глазами.

Раздумывать я долго не стала. Решила всё же согласиться. Быстро оперлась на его крепкую ладонь в чёрной перчатке и забралась в возок. Кирилл крикнул мужику, сидевшему на козлах, чтобы тот трогал, и запрыгнул внутрь, плотно закрыв дверцу. Уселся напротив меня.

Едва возок тронулся, я не удержалась от вопроса, который мучил меня.

— Откуда ты знаешь, что мои слуги так и не вернулись? Ты дома у меня был?

— Был, боярыня. Прости. — Он чуть смутился, но в его глазах не было раскаяния. — Вчера тётку одну привёл к тебе в дом. Для того чтобы за детьми присмотрела.

— Правда? — Я опять опешила. Прямо каждую минуту этот суровый наглый опричник открывался для меня с новой стороны. — Как мои дети?

— С ними всё хорошо, они сыты и в тепле. Тётка та хорошая, проверенная, в моем доме долго служила. Только вот малая твоя, Наташа же звать её? Постоянно плачет и о тебе спрашивает. Любит больно тебя, боярыня.

Я даже от изумления рот едва не открыла. Он что, не только спас меня от казни и пыток, а ещё и за детьми моими приглядел? Так он был не совсем злодей или же опять преследовал какие-то свои тайные цели?

— Отчего ты так добр ко мне вдруг стал? — подозрительно спросила я. — Зачем помогаешь? Я же сказала, что никаких ласк тебе не будет.

— Да хватит уже повторять о том. Понял я.

— Ну и молодец, что понял, — насупилась я, вздохнув.

Он всё равно был какой-то странный. Его поведение непонятно. Отчего-то мне думалось, что он влюблён в Марфу, то есть в меня. Оттого и хотел воспользоваться её тяжёлым поло-

жением и принудить к близости. А потом всё равно помог, даже несмотря на отказ. Человек, которому Марфа была бы безразлична, так бы не поступил.

— Как мой фонарь, помог? Не так страшно было?

И тут я сообразила, что он имел в виду.

— Так ты его намеренно оставил?

— Угу. Всё же с ним в темнице веселее, разве не так? — спросил он и вдруг чуть улыбнулся.

Лицо его преобразилось и стало даже приятным.

Глава 11

Замечание про оставленный фонарь немного разрядило напряжённую обстановку.

— Ты прав, с ним не так страшно было, — кивнула я.

Захотелось улыбнуться ему в ответ, но я сдержалась. Не стоило обнадеживать этого опричника улыбками. Ещё подумает, что я растрогалась и готова на его «ласки». Лучше вести себя с ним сдержанно. А то потом точно хлопот не оберёшься.

— Вижу, убрус мой надела, а волосник не по нраву пришёлся? — пытливо спросил Кирилл.

Я поняла, что он про сеточку-шапочку. Но не знала, как этот волосник надевать: поверх или вниз платка-убруса. Я в этом времени всё же не жила. Потому решила ответить так, чтобы не обидеть его.

— Понравился, только я его в темнице оставила с корзиной. Поспешила за боярином, да и забыла про них.

— Ладно, чего уж там. Понятное дело, поспешила. В застенках нерадостно сидеть.

— Да, — согласилась я.

— Ничего. Я тебе другой потом подарю, — заявил Черкасов властно, как будто имел какое-то право мне подарки делать. Вообще-то я была замужем. — Если захочешь, боярыня.

Верное уточнение. Если захочу.

Я понимала, что подарки от другого мужчины могут быть истолкованы превратно. Так и быть, в тюрьме я взяла у него еду и платок, там мне терять уже было нечего. А вот сейчас, наверное, не стоило ничего принимать.

— Благодарю, Кирилл Юрьевич, но думаю, не надо больше даров. Что люди скажут? Носишь чужой жене подарки.

— Так ты не объявляй всем, что от меня.

— Нет. Всё равно не надо. Ты уже и так сильно помог мне. Я благодарна за это, — добавила я как можно строже и без эмоций.

Моя фраза вызвала у Черкасова непонятную реакцию. Он прищурился, а его правая ладонь сжалась в кулак.

— Так говори прямо, боярыня: «Оставь меня в покое, Кирилл Черкасов». Так думаешь, да? — с вызовом спросил он.

Я промолчала. Надо же! Всё он верно понял.

Хотя я действительно хотела, чтобы он отстал от меня, но открыто говорить этого не стала. Ещё рассердится. А сердить такого, как он, было опасно.

— Только кто о тебе позаботится, Марфа, если не я? Муж твой в бегах, слуг нет, родни у тебя тоже, как я понимаю, не водится.

У меня не было родственников? Что ни отца, ни матери, ни братьев? Точнее, у Марфы.

Это очень плохо. Даже пойти за советом не к кому, поговорить обо всём.

Но помощь этого опричника меня тоже напрягала. Я чувствовала, что после он просто так от меня не отстанет.

Немного смутившись от всех этих щедрот Кирилла, я замолчала. Не понимала, отчего его поведение так изменилось со вчерашнего дня, когда он предлагал мне стать его любовницей. Или одумался и понял, что я не буду играть по его правилам, или же притворялся, преследуя какие-то свои цели.

Люди этого времени были мне немного непонятны. Точнее, удивляло их противоречивое поведение: говорили о грехах и Боге и тут же могли невинного казнить. Да и тот боярин в тюрьме так злобно заявил, что я преступница, хотя я была всего лишь несчастной женой, попавшей в передрагу из-за предательства мужа. Ведь явно я не могла участвовать в каких-

то там заговорах или уж перечить мужу, чтобы удержать его от измены царю. Тогда женщин держали взаперти в теремах, в чёрном теле, даже боярынь. Они и пискнуть не смели, не то что какие-то заговоры учинять, это ведь и так ясно.

Да и то видение, когда Адашев ударил меня и безжалостно тянул за косу, тоже доказывало, что нрава он был крутого. Вряд ли я бы смогла остановить его, даже если бы знала, что он задумал полякам продаться.

Больше с Кириллом я решила не говорить. Надеюсь на то, что он довезёт меня до дома и оставит в покое. За помощь я поблагодарила его, а большего между нами быть ничего не могло.

Однако мой попутчик-спаситель явно не собирался отставать.

— Бумагу я тебе выправлю, что дом твоего мужа и поместье с парой деревень тебе в распоряжение отойдёт, — заявил он в какой-то момент. — Во владение, как жены Адашева. Челобитная покамест у царя лежит.

Я опять посмотрела на него.

— Да? А разве после смерти мужа жена не наследует всё просто так? — спросила я его.

Черкасов напряженно уставился на меня и тихо спросил:

— Адашев умер? Ты это точно знаешь?

Я тут же поджала губы, поняла, что ляпнула не то. Сейчас он поймёт, что я видела мужа мёртвым, и тогда мне конец. От страха у меня даже холодок пробежал по спине.

— Нет, я не знаю, жив он или мёртв, — начала сбивчиво лепетать я. — Тот боярин сказал, что не нашли Фёдора, вот я и подумала, что он умер, раз найти его живым не могут.

— То есть... ты не знаешь точно?

— Нет, ничего не знаю. Ты просто сказал, что мне, как жене, всё отойдёт, я и подумала, что ты имеешь в виду, если муж умрёт.

— Я не это имел в виду, Марфа. Адашев — государев преступник, и всё его имущество царь велел отобрать в казну. Оставить только то, что тебе до замужества причиталось. Твоё приданое. По закону его не могут отобрать.

— А-а-а, — протянула я, задумавшись.

Я же законов этого времени совсем не знала. Но, похоже, Черкасов говорил, что приданое от родителей, что у меня было, останется у меня. Я знала, что раньше за богатыми боярышнями могли давать в приданое даже земельные наделы и усадьбы.

— Так ты об этом хлопотал? — спросила осторожно я, боясь снова ляпнуть лишнее. — Чтобы моё приданое у меня и осталось?

— Нет. Приданого же у тебя не было, Марфа. Поэтому мы с дядей и пытаемся отстоять для тебя хоть что-то из имущества мужа. Чтобы вы с детьми не пошли по миру.

Я опять ничего не поняла. То есть я была бедной до замужества? Раз приданого не было? Или что? Но я решила больше пока не расспрашивать, а то опять скажу что-то не то.

— Поняла, — соврала я.

— Думаю, только хоромы твои да пару деревень сможем для тебя у царя выпросить. Остальное обширное имущество и земли Адашева царь в казну заберёт. Надо же как-то и своим преданным слугам платить.

Он кровожадно оскалился в короткую тёмную бороду, и я наконец хоть что-то поняла. Царь отбирал земли и вотчины неудобных бояр и изменников и раздавал своим приближенным. Что-то про это я читала раньше.

Однако усмешка Кирилла вызвала у меня дрожь. Я опять почувствовала, что передо мной не «мягкий пушистый зайка», а вполне себе жёсткий и наделённый властью государев опричник, который мог снова упечь меня в тюрьму. Однако сейчас Черкасов пытался, видимо, выслушаться передо мной, потому вёл себя по-доброму и сердечно. Но я понимала, что это обманчиво и в любой момент он мог превратиться в опасного хищника. Это я отчётливо видела сейчас в глубине его тёмных глаз. Потому, наверное, следовало с ним дружить.

— Потому и хлопчем с дядей за тебя. Думаю, неделя—две, и справим тебе бумагу о том, что у тебя останется, боярыня.

— Благодарю тебя, Кирилл Юрьевич.

Глава 12

Я немного помолчала, пытаюсь что-то рассмотреть в холодное слюдяное окно, но один вопрос не давал покоя. И я всё же решилась спросить:

— Кирилл Юрьевич, ты вот помогаешь мне, но я уже сказала, что между нами быть ничего не может.

— Почему? Адашев же не вечен, да и если его поймают, то казнят. Ты вдовой станешь.

— Но я не хочу снова замуж, — осторожно ответила я.

Всё же бесить его не стоило. Понимала, что такой, как Черкасов, человек у власти, мог не только заступаться и ратовать за выделение мне наделов, но и, наоборот, упечь в тюрьму, если пойти против него. Оставалось надеяться только на его порядочность и совесть.

— Я замуж тебя и не зову, Марфа, — твёрдо заявил Кирилл, снова окинув меня горящим взором. — Я уж про то сказал. Мой батюшка никогда не позволит мне жениться на вдове, ещё и с чадами, муж которой был государев преступник. Не сердчай — говорю как на духу.

— Тогда что же тебе надо от меня? Я не пойму. Любовницей я твоей не буду. Тоже уже не раз сказала. Не смогу я отплатить за твоё заступничество. А должницей быть не хочу.

— Я и не требую платы, Марфа. Просто по зову сердца помогаю. Доброго слова да взгляда достаточно будет.

— Да? Тогда хорошо, — выдохнула я с облегчением и даже улыбнулась ему.

— А потом видно будет... — добавил он многозначительно и с такой интонацией, что у меня опять побежали предательские мурашки по всему телу.

Ох, явно намекал он, что я сдамся и всё же стану его любовницей. Чувала я нутром. Не сейчас, так позже. Видимо, отступать он не собирался.

Но все эти тёмные мысли я решила не озвучивать. Всё же он сейчас помогал мне и пока ничего, кроме слов благодарности, не требовал. Да будет так.

Спустя полчаса мы подъехали к высокому частоколу высотой метра в три–четыре, не меньше. Вышли из возка, и я чуть огляделась. Мы оказались на широкой улице, довольно тихой и немногочисленной. Позади нас в этот миг проехали небольшие сани с мужиком, которые нарушили скрипом и звоном бубенцов окружающую тишину. Где-то вдалеке шли две бабы. Дальше по улице стояли ещё две усадьбы с высокими, добротными заборами и виднеющимися просторными домами. Похоже, на этой улице жили бояре или богатые горожане.

Воздух был морозный, колючий, чуть щипал щёки, и я зябко куталась в свою длинную вышитую шубку. Снег уже почти растаял, и дорога от ворот представляла собой одну грязную проталину с талым снегом.

Мы с Черкасовым приблизились к воротам, и он два раза сильно ударил железным кольцом о дверь в воротах. Потом нетерпеливо ещё раз.

— Куда эта твоя бабка-чернавка запропастилась? — буркнул недовольно Кирилл. — Я ж приказал ей нас у ворот дожидаться.

Я поняла, что в доме боярина теперь находились только та самая бабка-чернавка, которая единственная не сбежала, когда ворвались опричники, тётка, что следила за малышами, да мои дети.

Дверь наконец-то заскрипела, отворяясь. Я вошла первой во двор усадьбы, за мной последовал Кирилл.

Но открыла нам вовсе не бабка, а какой-то невысокий мужичок с козлиной бородкой, тощий и в грязном тулупе.

— Доброго здравьяца, хозяйка! — выпалил он, торопливо кланяясь в пояс.

— Кто таков?! — грозно спросил Кирилл и выставил вперёд плетъ, угрожающе ткнув её рукоятью в плечо мужика.

— Дак Потапка я, у боярина Адашева в услужении третий год уж.

— А! Так ты вернулся, нерадивый холоп! — процедил Черкасов.

— Вернулся, господин, — угодливо закивал мужичонка. — И не один, четверо нас вернулись: я, Мирошка, Василиса-кухарка да Илюшка-истопник.

— И где ж вы были все эти три дня, сучьи дети? — продолжал допрос мой спутник.

— Дак хоронились, боялись, что вместе с боярином и с нами расправятся.

— Ясно, — кивнул Черкасов и обратился ко мне. — Выпороть их надо, Марфа, чтоб научить уму-разуму. А то вишь, бегут со двора, когда им вздумается.

Я даже опешила. Как выпороть? Вот взять и живого человека выпороть? Нет, я была против любого насилия.

— Не надо никого пороть, они же вернулись, — заявила я.

— И зря, боярыня. Совсем страх потеряли, поганцы, — настаивал Кирилл, недовольно сверкая глазами на мужика.

— Так мы ж сами вернулись, боярин, сами. Одумались. Не надо нас наказывать, — просил Потапка.

— А если б не сами, то насмерть бы заporоли вас, псов шелудивых, едва бы поймали. Потому-то, поди, и вернулись, что знаете, чем вам это грозит.

Черкасов уж развернул плетъ, видимо, прямо сейчас сам хотел выпороть испуганного мужика.

Глава 13

— Да оставь его, Кирилл Юрьевич, — попросила я, придерживая его занесённую с плетью руку. — Он и так весь дрожит.

— Извини, боярыня, но мягкая ты баба, — вздохнул Черкасов, опуская плетё. — Нельзя с челядью такой доброй быть. Они ж слушать и подчиняться не будут. Взбунтуются.

— А я по-другому считаю, Кирилл Юрьевич.

— Не будем мы больше бегать, боярин. Бес попутал! — выпалил громко мужичонка.

Черкасов окатил мужика хмурым взглядом, словно сомневался в его словах.

— Говоришь, вы только четверо вернулись. А остальные холопы Адашева, что тоже бежали, где?

— Не ведаю про то, вот те крест, — заблеял мужик, торопливо крестясь двумя пальцами.

— Мы вчетвером бежали, так и вернулись, а остальные незнамо где.

— Сколько слуг-то у тебя всего было, Марфа? — обратился ко мне Кирилл.

Этот вопрос застал меня врасплох. Хороший вопрос. Если бы я знала сколько.

— Да разве всех упомнишь, — уклончиво ответила я.

Черкасов снова обернулся к мужичку.

— Ладно, Потапка, ступай пока. Да служи усердно. А не то я сам тебя высеку за нерадение.

— Благодарствую, господин, и тебя благодарю, боярыня, за доброту.

Потап быстро засеменил к дому, проворно поднялся на крыльцо и услужливо открыл дверь перед нами, кланаясь.

Я уже поняла, что в этом времени всех простых людей, а иногда и знатных называли уменьшительными именами. Например, тогда рыжий боров, воевода, и Кирилла называл «Кирюха». Смотря кто к кому обращался. Видимо, так было принято. И, похоже, никто не обижался, а все воспринимали это нормально. Но меня, конечно, такое обращение немного корбило.

Я невольно провела глазами по широкому двору и хоромам боярина Адашева.

В тот день, когда меня увозили отсюда опричники, я не успела толком разглядеть ни дом, ни двор небольшой усадьбы Марфы. Тогда было уже темно, а я вся на взводе и нервах. Сейчас же я задрала голову на величественный дом, а точнее, хоромы: массивные, трёхэтажные, с толстыми стенами из круглого бруса, многочисленными слюдяными окнами, расписанными в красные и золотые тона, с крышей с резными витиеватыми козырьками и красивой резьбой по бокам. Нижний высокий этаж имел каменные белёные стены и узкие окна-бойницы. Скорее всего, там располагались хозяйственные помещения.

Мы с Кириллом быстро поднялись по высокому крыльцу под расписным козырьком. Вошли в распахнутые двери, которые так и продолжал держать для нас Потап. Попали сразу на второй этаж хором в тёплую переднюю. С низким потолком, но довольно просторную.

— Остальными холопами сам займусь, Марфа, — продолжал властно Черкасов, как будто был здесь хозяином или моим братом. — Разыщу их и верну в усадьбу. Только мне надо подробно знать, кто ещё тут жил.

Как ни корбило меня авторитарное, даже наглое поведение Кирилла, я все же решила не перечить. Ну пусть поможет, если так рвётся. Хуже не будет, наверное. Потому ответила довольно благодушно:

— Спасибо, Кирилл Юрьевич. Я с кухаркой поговорю, узнаю точно, сколько человек было и как звали.

— Добро, Марфа.

— Только... — Я устремила взор на Черкасова, даже положила руку на его запястье для большей убедительности. — Просьба у меня есть.

Проведя горящим взглядом по моей ладони на своём рукаве, Кирилл даже замер на миг и глухо выдохнул одними губами:

— Проси...

— Когда слуг моих найдёшь, ты их, пожалуйста, не бей и не наказывай. А ко мне приведи, если можно. Я сама их накажу.

Решила так сказать, чтобы он понял. Естественно, я не собиралась никого пороть и наказывать. Но лучше пусть он думает, что я это сделаю, чем сам лютовать будет. Ведь, похоже, в этом времени беглых слуг следовало вообще лишить жизни, как сказал Черкасов чуть ранее. Так зверствовать я не собиралась. Но знать об этом этому дикому опричнику не стоило.

— Как прикажешь, Марфа. Исполню, — кивнул он.

Кирилл тут же накрыл мою кисть своей широкой ладонью, жар которой чувствовался даже через перчатку. Сильно сжал мою руку, а его взор стал совсем тёмным. Он даже чуть склонился ко мне.

Мгновенно смутившись, я встрепенулась и быстро вытянула руку из-под его сильной ладони. Чуть отодвинулась от мужчины. Решила перевести разговор на другую тему:

— Детки-то мои где?

— Пойдём. Наверху, в своей горнице, должны быть.

Глава 14

Мы поднялись по тёмной дубовой лестнице уже на третий этаж, а я во все глаза смотрела по сторонам. Было всё же интересно, как раньше люди жили вот в таких больших деревянных теремах.

Вообще, словом «терем» в разные периоды времени в средневековой Руси называли или верхние этажи хором, или сразу весь дом. А ещё терем не был чисто женским, здесь жили и мужчины. В институте, в прежнем мире, где я училась на экономиста, по предмету истории России я писала целый доклад на тему жилищ, поэтому немного имела представление и о царских палатах, и о землянках, и о домах бояр.

На третьем этаже было теплее, и мы с Кириллом вышли на небольшую округлую площадку с деревянными перилами. По обе стороны виднелось по несколько комнат.

— На твою половину пошли, в дальней горнице они с нянькой, — заявил Кирилл.

Я поняла, что он говорит именно про женскую половину терема. Раньше дома делились на мужскую и женскую части.

— Я тётку-то при тебе пока оставлю, Марфа, чтобы с детьми помогла. Как не нужна будет, отошлешь.

Я кивнула.

Проходя мимо одной из горниц, отметила, что это та самая зелёная комната, где я пришла в себя, когда попала в этот мир. Черкасов толкнул дверь в соседнюю горницу, и мы вошли в просторное светлое помещение.

Андрейка сидел на лавке у окошка и деловито что-то вырезал ножичком из дерева. Толстая баба в цветастой юбке-понёве и платке на плечах сидела около покачивающейся кровати-люльки и что-то тихо напевала. Кровать напоминала взрослую, только меньше раза в три, и вместо ножек у неё были полозья, на которых она качалась.

Едва мы вошли, как светловолосая девчушка, лежавшая в кровати, встрепенулась, подняла голову и радостно вскрикнула:

— Матюшка!

— Куда, Наталья?! — всполошилась строго тётка, когда Наташенька, оттолкнув её руку, резво прыгнула с кровати и побежала к нам.

Я подхватила дочку Марфы на руки, крепко обняла её и поцеловала. Моё сердце рьяно забилося. Хотя дети и не были мне родными, я всё равно переживала за них. Хорошо, что с ними всё было в порядке. Выглядели и Андрей, и малышка опрятными и спокойными.

— Хотела малую спати уложить, пообедали недавно, — доложила тётка нам быстро, чуть кланяясь.

— Как и говорил тебе, Марфа, с ребятишками твоими всё хорошо, — добавил Кирилл.

В этот момент ко мне подбежал сын, обнял и тихо буркнул:

— Я Боженьке молился за тебя, матушка.

— Спасибо, милый, — улыбнулась я сыну, глядя его одной рукой по голове. На втором локте у меня сидела Наташенька.

Обратила взгляд я Черкасова и добавила:

— И тебе спасибо, Кирилл Юрьевич, что деток моих не оставил.

— Как же, как же... Я всё как велено делала, боярыня, — подала голос тётка важно. — И накормлены, и чистые. Вчерась с ними в баню ходили.

— Агриппина — хорошая нянька. Нас с братом вынянчила, — объяснил Кирилл, чуть оскалившись. — Другую бы не приставил к чадам твоим, Марфа.

— И тебе спасибо, Агриппина, — произнесла я в сторону полной бабы.

Лицо у неё было толстое, а глаза добрые. И вся мягкая такая, как подушка. Наверное, такие няньки и ценились в эти времена.

— Я на службе нужен, пойду. Теперь сама разбирайся, Марфа, — заявил Кирилл. — И так полдня не понять, чем занимаюсь. Мне в немецкую слободу на проверку надобно, а потом ещё в два места.

— Ступай, конечно, — даже с облегчением ответила я, всё же присутствие Черкасова напрягало меня.

— На вечерней зорьке заеду ещё, проверю, как ты тут, — заявил он уже на пороге. Я хотела сказать, что не надо, но не решилась. — Про челядь не забудь кухарку расспросить.

Я молча кивнула. Вот прямо неугомонный. Словно командир или муж мне.

Когда он вышел, тётка властно заявила:

— Положи её в люльку, боярыня, девке спать пора.

— Я не хочу спать, матюшка, — захныкала девочка.

Однако я видела, что малышка трёт глазки и явно устала.

— Ты поспи немного, Наташенька, а потом мы поиграем с тобой, хорошо?

Малышка согласилась, и я положила её в кроватку. Нянька одобительно кивнула.

— А ты ступай, яхонтовая моя, переоденься да умойся, — велела мне Агриппина. — Да покушай чего. А то вон щёки ввалились, цвету не видно.

Под цветом, видимо, имелся в виду румянец.

— Я с тобой, матушка, — заявил Андрейка.

— Ещё чего выдумал? Ты, пострел, со мной побудь, — велела нянька Андрею. — Матушке отдохнуть надо.

Я поджала губы. Похоже, эта нянька знала, что лучше для всех, и всех поучала. Однако я действительно была грязная, потная и голодная. И одежда не понять в чём. Ещё заразу какую детям принесу! Всё же я была в вонючей тюрьме. Потому спорить с тёткой Агриппиной не стала. Поцеловала сына в щеку и сказала, что приду к ним через пару часов.

Малыши отпустили меня, и я быстро вышла.

В общем, и Кирилл, и тётка-нянька меня направляли и указывали, что делать. Но я была не против.

Пока.

Всё же мне требовалось освоиться в этом мире и времени. Их присмотр и указания я пока решила не обсуждать и не спорить. Было видно, что они знали, что и как делать. Но, конечно, я, как натура деятельная и с характером, долго такого терпеть не собиралась. Как только пойму, что к чему в этом мире, вживусь в тело боярыни, сразу отошлю прочь всех указчиков.

Я была замужем, точнее, Марфа. Родных не имела. Потому слушать была обязана только мужа и подчиняться ему, да ещё царю. Всё. Остальные, что слуги, что Черкасов, не имели никакого права помыкать мной и командовать.

Однако первым делом мне надо было кое-что проверить. И хорошо, что Черкасов уехал, а дети были с нянькой.

Пройдя по коридору, я быстро вошла в ту самую горницу, где повздорила с мужем.

Огляделась.

Кровать не убрана, на полу так и валялось покрывало. Небольшая лавка в углу перевёрнута. Всё здесь было так же, как и три дня назад, когда я только попала в этот мир. Явно тут никто не прибирал. Что объяснимо: слуг же не было, первые вернулись сегодня, Агриппина занималась только детьми. А старая бабка-чернавка, которая тёрла подсвечник тряпкой, когда мы вошли в дом с Кириллом, вряд ли успела бы вымыть ещё и весь дом. Ладно хоть за печками следила, потому было тепло и натоплено.

И мне это на руку.

Подойдя к покрывалу, я быстро подняла его. Кровавая лужа была на месте и чуть засохла, ткань тоже пропиталась вязкой жидкостью.

Надо было немедленно всё здесь убрать, и желательно самой, чтобы и слуги не знали, что здесь произошло. Хотя они могли что-то и видеть.

Только тут я ощутила, что мне жарко. Оглядев себя, отметила, что я всё ещё стою в длинной грязной шубке. Стянула её с себя. Увидела сундук в углу. Решила, что там, возможно, одежда. Открыв его, обнаружила в сундуке сапожки, валенки, а также вышитые туфельки на высоком квадратном каблуке, что весьма поразило меня. Не думала, что боярыни в этом веке ходили на каблуках, или все же ходили?

Одежды не было. Больше сундуков в комнате не стояло.

Тогда где же Марфа одевалась?

Положив шубку на лавку, я подошла к небольшому умывальнику, висевшему на стене, но воды в нём не оказалось. Даже руки не помыть.

— Так... надо найти ведро с водой, половую тряпку и одежду, — сказала я сама себе.

Отмыть пол от крови следовало в первую очередь, но не делать же это в дорогом парчовом платье.

Оглядевшись, я заметила у стены, ближе к окну, небольшую дверцу, более потайную, чем явную.

Глава 15

Я приблизилась к двери и толкнула створку, она оказалась не заперта.

Вошла в светлую комнатку с одним окном.

Здесь оказался небольшой шкаф, два сундука, табурет и стол, похожий на туалетный столик, но только сделанный топорно и массивно. На нём красовался кувшин с водой и небольшой серебряный таз. А ещё лежало зеркало в костяной оправе размером с две ладони и с ручкой.

Я тут же взглянула в него. Конечно, отражение было немного размыто и мутно, не как в зеркалах нашего времени, но я отчётливо разглядела миловидное лицо, большие серые глаза, чистую нежную кожу и пшеничного цвета волосы Марфы. Можно было сказать, что я красавица: более тёмные ресницы и брови даже без макияжа делали мой облик ярче.

Тут же, заметив на щеке небольшой синяк, я потрогала его пальцами. Вспомнила, как мой муж Фёдор дал мне пощёчину, когда мы ругались. Некоторое время я сосредоточенно и скрупулёзно рассматривала своё отражение и даже осталась довольна.

В прежнем мире я была менее привлекательна, но в этом мире красота считалась одним из главных оружий женщины. Ведь сильный характер, умение держать себя и ум здесь мало ценились мужчинами, и я это отчётливо понимала. Так что завидная внешность и стать были мне только на пользу.

Отложив зеркало, я обернулась на невысокий полукруглый шкаф позади. Это было редкостью в эти времена. Обычно всё добро хранили в сундуках и небольших ларях, а шкаф был роскошью. Заглянула в два сундука, в одном лежали разнообразные платки, убрusy, рубашки и вязаные чулки, в другом — верхняя одежда: зипуны, накидки, как это все верно называлось, я не знала. Даже шубы имелась в сундуке: одна бархатная длинная из чернубурой лисы, мехом внутрь с богатым меховым воротником, а вторая из синего бархата с мехом куницы.

Прошла дальше, заметив небольшой закуток у окна с занавесью. Здесь стоял деревянный стул с дыркой в сиденье. Внизу, под стулом, находился высокий горшок, похожий на ночной.

— Туалет, умывальник, гардероб в одном месте, — пробормотала я. — А что, удобно. Там красивая спальня и просторно, а здесь и одеться, и нужду справить можно, и всё закрыто от чужих глаз.

На маленькой входной дверце и замочек имелся. Только вот горшок выносить постоянно — ещё то удовольствие. Хотя выбирать не приходилось, в это время такое было нормально.

Проворно налив воду в серебряный тазик, я умыла лицо и ополоснула руки. Мыла не нашла. Конечно, следовало, чтобы кто-то полил мне на руки из кувшина над этим тазом, но слуг рядом не было. Да и пока они мне не требовались. Надо было немедленно вымыть кровь с пола в спальне.

Решила заглянуть в шкаф, поискать какую-нибудь простую одежду и наконец снять парчовое, жёсткое платье, хоть и красивое, но совершенно неудобное.

Я открыла низкий шкаф и едва не вскрикнула от ужаса. На меня смотрели два перепуганных глаза из темноты. Существо дёрнулось, и я отскочила назад.

— Ты кто?

— Хозяйка, не пужайся! Это ж я, Прося! — воскликнула невысокая девушка в грязной рубашке и сарафане, чуть выступая из-за висевших в шкафу нарядов. — Темно тут, не разглядела ты меня, Марфа Даниловна.

Я пробежалась по рябой невысокой девице взглядом, понимая, что она живая, а не привидение какое. И это имя, Прося, дурное какое-то. Полное вроде Прасковья или как?

— Ты напугала меня, — заявила я, нахмурившись. — Отчего ты здесь в шкафу прячешься?

— Дак я уж который день хоронюсь тут, — объяснила Прося. — Боялась, что эти аспиды меня прибьют или того хуже...

Она замолчала, и я подумала, что хуже может быть только интимное насилие. Поморщилась. Наверняка девица эта знала, что такое случается, потому и пряталась.

— Вылезай, Прося, — велела я, понимая, что это была одна из служанок Марфы. — И что же, ты три дня и сидела тут? И никто тебя не видел?

Рябая, худая девица вылезла из шкафа и замотала головой.

— Вроде нет. Я тишком сидела, как мышка. Только ночью на кухню за хлебом прошмыгну и обратно, да на двор опорожниться.

— Точно как мышь, — усмехнулась я, уже успокоившись после первого испуга.

Вдруг девица грохнулась на колени и заголосила:

— Прости меня, Христа ради, Марфа Даниловна! Бес попутал!

— Ты это чего, Прося? — опешила я. — За что простить?

И что они всё с этим «бес попутал»? Модное выражение в это время, что ли?

— Не хотела я тебя предавать, не хотела. Только на улицу не гони, хозяйка, мне идти некуда, помру я там!

Прося опустила голову на грудь, и я увидела, что она дрожит со страха или ещё от чего.

— Ты вставай давай, — велела я, ухватив девицу за плечо и пытаясь поднять её. — Нечего на коленях стоять. И когда это ты предала меня, объясни?

Прося встала и затараторила:

— Дак, когда эти нехристи, опричники, ворвались в дом, то я деру и дала. Тебя одну и оставила, не защитила. Я сбежать хотела да испугалась, что словят меня, несдобровать будет.

— Понятно.

Видимо, Прося винила себя в том, что не вступилась за меня перед опричниками. Но я понимала, что вряд ли слабая служанка могла противостоять вооружённым мужчинам, ещё и таким лихим, какие приходили за мной. Даже слуги-мужики сбежали, а уж эту щуплую девицу они бы и зашибли ненароком.

— Но, когда увезли тебя нечестивцы, Марфа Даниловна, я за детками приглядела. Велела им не уходить из дома. А потом этот демон ту толстуху привёл. Я опять в шкаф и залезла.

— Почему же Черкасов — демон? — не удержалась я от вопроса, понимая, про кого говорит Прасковья.

— Дак глазюки у него больно бешеные, как глянет, точно ледяной холод пробивает от страха. Волчий взгляд.

— Неправда, не заметила я этого, — помотала я головой.

— Так это он на тебя, благодетельница, по-доброму глядит. По нраву ты ему, а... Ох, прости, хозяйка, сказала не то!

Она снова грохнулась на колени.

А я утвердилась в мысли, что была права насчёт Черкасова: он опасен, и хорошо бы с ним дружить, а ещё лучше держаться подальше. Но как это сделать, если он заявил, что придёт вечером? И попробуй его не пусти на порог — проблем не оберёшься.

— Прося, перестань уже кланяться, так все колени расшибёшь. Прощаю я тебя.

— Прощаешь, что ли, меня, Марфа Даниловна, голубушка? — радостно спросила девица, вставая на ноги.

— Ты же слышала. Пошли со мной, поможешь в горнице прибраться. Или ты голодна?

— Пока нет. Я поутру ватрушку на кухне стащила, так пока живот не урчит от голода.

— Хорошо. Пойдём.

Мы прошли в соседнюю спальню, и я подняла покрывало с пола. Указала на большое кровавое пятно.

— Надо вымыть здесь и постирать тряпку эту, Прося. Если принесёшь мне ведро с водой, я сама сделаю.

— Как это, хозяйка?! — всполошилась служанка. — Свои ручки белые портить будешь? Нехорошо. Я сейчас всё вымою и приберу в комнате.

— Только надо так, чтобы не увидел никто, Прося, понимаешь?

— А как же не понять? Понимаю. Никому не скажу о том, чья кровушка-то эта. Пытать будут — не выдам я тебя, Марфа Даниловна, — уже тихо, как-то заговорщически добавила девица.

Глава 16

Испуганно уставившись на Прошу, я похолодела. Неужели она видела, как я убила боярина? Вот это поворот! И если она кому-то расскажет об этом, я пропала.

— Ты знаешь, чья это кровь? — осторожно спросила я, всё же надеясь, что неверно всё поняла.

Девушка угодливо закивала и выпалила:

— Как же! Фёдора Григорьевича, благодетеля нашего, боярина!

— Тише! — цыкнула я невольно и оглянулась на дверь. — Тише говори.

— Ох, прости, хозяйка, это я не подумавши крикнула, — заявила девушка и ударила себя ладошкой пару раз по губам. — Не буду больше.

— Ты, Прося, прямо огорошила меня. Что ты ещё знаешь и видела?

Спросила я это с целью узнать, где же тело мужа. А сама боялась услышать самое страшное. На миг замерла, впившись глазами в лицо девушки.

— Не видела я тебя с боярином, Марфа Даниловна. За дверью приоткрытой стояла.

— Но что-то же слышала? Так, Прося?

— А как же, слыхала, — закивала она утвердительно и громким шёпотом добавила: — Слышала, как он бранил тебя, ох, как люто, а ещё бил, похоже. А потом грохот какой-то был, и ты закричала, хозяйка. Я и кинулась в спальню. На коленях ты над боярином застыла, а он здесь, в этой кровавой луже лежал. Ты не видела меня.

— А дальше что? Дальше что было, Прося?

— Потом Потапка меня обратно в коридор выволок и по щекам нахлестал за то, что подсматривала за вами. Больше ничего и не видела. Он велел мне на кухню бежать и сам за мной ушёл.

— Жалко. Я так и не знаю, где тело Фёдора. Думала, ты видела, что с ним стало.

— Так нету тела-то, Марфа Даниловна, и не найдёшь его, потому как...

Девушка резко замолчала, так как послышались шаги, а я проворно снова кинула покрывало на пол и тут же встала около лужи крови, загораживая её.

В следующий миг на пороге спальни появилась полная баба лет тридцати в синем сарафане, красной кофте и фартуке, на голове — бордово-оранжевый платок-повязка.

— Обед-то когда подавать, Марфа Даниловна? — спросила баба без предисловий, уперев руки в бока. — Щи-то поспели уж.

Я догадалась, что это кухарка, которая вернулась вместе с Потапом. Только как её звали, я не запомнила. Очень странно она вела себя, как ни в чем не бывало, даже не повинилась в том, что вместе с Потапом убежала из усадьбы. Но я решила не обращать на это внимания, сейчас были дела и поважнее.

— Я попозже буду есть, пока занята, — ответила коротко.

— Так простынут харчи-то, хозяйка. Я и пирог с визигой настряпала, отменный получился, — не унималась кухарка.

— Мы заняты, Василиса, — громко поддакнула мне Прося.

— Ты ещё, сопля, голос подавать мне будешь, — огрызнулась в её сторону баба.

— Василиса, я же сказала, попозже буду обедать, — жёстко заявила я, пресекая её обидную речь. — Ступай!

— Ты бы, Марфа Даниловна, поменьше эту побрякушку слушала. Соврёт — недорого возьмёт.

От наглости бабы я на миг опешила. Поняла, что характер у этой Василисы склочный и вредный. Она явно считала себя выше других слуг в доме, судя по тому, как пренебрежительно говорила с Просей.

— Я сама решу, кого слушать, — ответила я и уже властно повторила: — Ступай, Василиса, на кухню.

Окинув нас недобрым взором, кухарка фыркнула и вышла. Едва её тяжёлые шаги стихли, я обернулась к девушке. Прося тихо затараторила:

— Марфа Даниловна, не верьте ей, я вам всю правду как на духу говорю. Зачем мне врать-то? Неужто за доброту вашу я чёрным злом платить буду?

— Прося, я верю тебе. Но откуда ты знаешь, что тела Фёдора не найти?

— Так оно живое. Он живой, — поправила Прося и уже шёпотом произнесла: — Видела я, как он убегал через дальнюю калитку.

— Кто?

— Благодетель наш, Фёдор Григорьевич!

— Как убегал? Когда? Так мой муж жив?

— А как же! Живее всех. Видела я, как он через двор перебежал. В накидке длинной, и мешок у него на плече, увесистый такой, большой, еле пёр его. С вещичками, видать. Далеко, кажись, собрался боярин-то наш.

— То есть Фёдор сбежал? — переспросила я девушку обрадованно.

— Ага, я с теремного оконца видала его.

— И когда это было?

— В тот день, когда эти демоны государевы нагрянули и тебя, хозяйюшка, с собой уволокли. Только боярин-то наш, благодетель Фёдор Григорьевич ещё раньше убёг.

Я недоуменно посмотрела на рябую, шуплую девицу. Но картина лежащего неподвижно боярина на полу была очень красочна в моей памяти. Неужели Фёдор пришёл в себя и потом смог подняться? Или же мне привелось, что он упал? Я уже ничего не понимала.

— Прося, ты уверена, что именно Фёдора видела? Может, это не он был?

— Как же не он, Марфа Даниловна. Он самый, Фёдор Григорьевич. Вот те крест. Его фигуру приметную ни с кем не перепутаю. Крупная такая да поступь тяжёлая. Темно, правда, было, но хорошо видела, как он тяжело бежал, чуть прихрамывал. Видимо, после удара, когда падал, кровушки много потерял, смотри, сколько её на полу. Потому и плохо ему было. Но я точно видела, как он убежал через калитку-то.

— Уф. — Я даже облегчённо выдохнула.

Значит, Фёдор был жив?

И я не убийца. Видимо, мужу удалось сбежать из Новгорода, раз его не поймали. И это неплохо. Хоть какая-то определённость. Единственное, что меня напрягало, — это та ссора с мужем, а воспоминания Марфы никак не хотели открыть мне, из-за чего Фёдор так рассердился.

Я спросила у Проти, почему на меня разгневался боярин. Но она ответила, что ничего и не знает о том, а только слышала, как муж обзывал меня какими-то «непотребными» словами.

— Ты пока передохни, Марфа Даниловна, — угодливо сказала девушка. — А я тут уберу всё. И покрывало унесу, постираю тишком, чтобы никто не видел кровушки-то.

— Спасибо тебе. Я бы ещё помыться хотела, Прося, а то вся потная и грязная.

— Как прикажешь, хозяйка. Я теперича вниз пойду да велю Мирошке баньку затопить. Он быстро управится. Сейчас и сбегаю, заодно и ведро с водой принесу. Не переживай, я быстрехонько.

Видя, что рябая девица хочет мне угодить, я согласно кивнула. Присела на лавку в горнице, чувствуя неимоверную усталость. Видимо, две бессонные ночи в тюрьме измотали меня и выжали все соки.

Глава 17

Как я и предполагала, Проша оказалась расторопной и услужливой. Уже через час мы с ней отправились в баню, а до того она всё вымыла и прибрала в моей спальне.

Конечно, я бывала в бане раньше, но то, как меня напарила Прося, — это что-то. Сначала служанка устроила жуткий жар в парилке, где я едва выдержала четверть часа, а потом Прося бесцеремонно окатила меня ледяной водой. Я даже взвизгнула от неожиданности.

— Ничего, Марфа Даниловна, зато теперь вся хворь от тебя уйдёт, — успокаивала меня служанка. — Если не от жара, то от холода окочурится зараза эта.

Я поняла, что она говорит о микробах и всяких болезнях, которые можно было подцепить в тюрьме. Когда Прося снова велела мне идти в парилку, заявив, что теперь будет гонять хворь веником, я даже запротестовала.

— Прося, это я окочурюсь, а не зараза твоя, — проворчала я.

Но все же улеглась на самую нижнюю полку в парилке, чтобы жар не так сильно шёл в лицо, а Прасковья принялась хлестать меня берёзовым веником по влажной спине и ягодицам.

— Ничего, хозяйка, ещё маленько тебя попарю, потом и помою.

Когда мы вышли из парилки, Прося снова окатила меня из ведра ледяной водой. Я уже была к этому готова, потому только зажмурилась, сдержав рвущийся наружу крик.

Прося же быстро пару раз окунула тряпицу в прозрачную смесь с травами в деревянной миске, а затем начала намыливать меня этой самой тряпкой. Пахла эта смесь очень странно, но зато вроде мылилась. Походила на жидкий прозрачный шампунь.

— Это что такое, зелёное, Прося?

— Да щёлок, Марфа Даниловна, я туда ещё чабреца да полыни добавила, чтобы уж точно всю заразу смыть.

Я стояла в большой деревянной лохани, а Прося помогала мне намыливать голову и тело этим самым раствором щёлока, а потом обливала меня тёплой водой с ромашкой. Насколько мне подсказывала память, щёлок делался из золы, которую заливали водой. Это было основным моющим средством. Мыли так всё что угодно: от полов и посуды до волос и рук.

— Марфа Даниловна, а если Фимка не вернётся, могу я твоей главной служанкой стать?

— Кем?

— Ну, как Фимка была. Горничной. Вроде так ты звала её, хозяйка. Может, Фимка и не вернётся вовсе. А я бы тебе хорошей служанкой стала. Не хочу я больше на дворе за свиньями убирать.

Я поняла, что Фима была личной служанкой Марфы, а Прося, похоже, работала просто в усадьбе. Я же вспомнила о наказе Кирилла и кивнула:

— Хорошо. Будешь моей личной горничной, Прося. Но ты должна мне рассказать обо всех слугах, что в усадьбе жили и сбежали. Всех по именам. Сможешь? А то Кирилл Юрьевич велел мне список холопов составить, я всех и не припомню.

— Дак скажу про всех, Марфа Даниловна, — с готовностью закивала Прося, уже накидывая на меня чистую и пахнущую травами бархатную накидку типа длинного халата. — Всех тебе назову, хоть сейчас.

— Сейчас не надо, чуть попозже скажешь. Я просто не хочу кухарку об этом спрашивать, странная она какая-то в последнее время.

— Злая Василиса да завистливая, Марфа Даниловна. И всегда такой была. Не зря ты, хозяйка, постоянно бранила её. Она то похлёбку холодную к обеду подаст, то хлеб не пропечёт как следует. Я думаю, она тебе назло всё это делает.

— Мне назло? И зачем ей это? — спросила я.

Прося помогла мне надеть на халат шубу и подала короткие валенки, чтобы дойти до хорм. Банька находилась в соседнем невысоком домике через длинные открытые сени, имеющие только крышу и деревянный настил на полу. Мокрую голову я обернула платком.

— А кто ж знает, — пожалла плечами Прося. — Но она про тебя всегда больно злобно говорит.

Я задумалась. И чем это Марфа так насолила кухарке? Ведь чуть раньше, когда Василиса пришла в мою спальню, я отметила, что говорит она со мной больно дерзко. Всё же челядь того времени вела себя более услужливо и боязливо.

— Ну ладно. Бог ей судья, — вздохнула я. — А ты, Прося, обещай мне, что никому не скажешь о том, что видела Фёдора Григорьевича, ну, что он убежал. Говори всем, что ничего не знаешь. Обещаешь?

— Клянусь, ничего никому не скажу.

После бани меня совсем разморило, и я, едва вернувшись в горницу и переодевшись в чистую рубашку, упала на кровать и мгновенно уснула.

Спустя некоторое время Прося принесла мне в комнату кашу с грибами и калачи с брусничкой, попыталась разбудить, но я даже не могла разлепить веки и пошевелить рукой. Тело было неимоверно тяжёлым, неповоротливым, болезненным. Голова горела, как будто у меня поднялся жар. Мне так сильно хотелось спать, что я отмахнулась от служанки, сквозь дрему прошептала, что есть не хочу. Снова провалилась в сон. Опять засыпая, почувствовала, как Прося осторожно укутывает меня чем-то тёплым, похоже, покрывалом.

Спала я беспокойно, ворочалась, постоянно просыпалась, чувствовала, что мне плохо, и снова проваливалась в дурной сон. Мне снились какие-то кошмары: то окровавленное тело Фёдора, то злобный смех того боярина в тюрьме, то хитрая ухмылка Василисы — кухарки. Я то и дело просыпалась в поту. Видела, что за окном ночь, а в горнице моей горела только тусклая свеча. Меня то знобило, то бросало в жар.

Уже под утро я наконец провалилась в крепкий спокойный сон.

Проснулась я внезапно, ощущая, как кто-то тербит меня по щеке. Очень осторожно, едва касаясь.

— Матюшка... — тихо лепетал надо мной тонкий голосок.

Я почувствовала, как мои волосы осторожно дёргают маленькие пальчики. Открыла глаза и увидела над собой забавное, милое детское личико со светлыми кудряшками, перевязанными лентой, как очельем.

— Наташа, — выдохнула я, приподнимаясь на локте и оглядывая малышку.

Оглядевшись, отметила, что за окном светло и, похоже, утро. Наташа заулыбалась мне и тут же чмокнула меня в щёку.

— Ты совсем пришла, матюшка? Больше не уйдёшь с чертяками? — спросила она меня, пытаясь заглянуть в глаза.

Я поняла, что девочка говорит об опричниках.

— Нет, с вами буду.

Окончательно проснувшись, я села на постели, ощущая себя отдохнувшей. И у меня даже ничего не болело. То ли ночью была температура, которая и «убила» всю хворь, как сказала Прося, то ли после бани моё тело действительно продезинфицировалось и стало здоровым. Но я ощущала себя прекрасно, даже голова была светлой, а тело лёгким.

Малышка уже забралась ко мне на кровать и прильнула к груди. Похоже, Марфа была ласкова с дочерью, раз та льнула к ней, как маленький игривый котёнок.

— Я от няньки убегла. Тебя хочу видеть, — объявила мне Наташа.

Я обняла девочку, погладила по голове. Умиротворение и нежность тут же овладели мной. Вроде бы Наташа была мне чужой, но в этот миг я всё же любила её, словно она и вправду была моё дитя. Может, эмоции и некоторые чувства Марфы передались мне с телом?

— Ты уже покушала? — спросила я свою новую дочку.

— Неть. Нянька велит кашу есть. А я не хочу! Я пирожок хочу, матюшка.

Глава 18

Поцеловав малышку, я ей ласково сказала:

— Знаешь что, дружок мой, давай вместе позавтракаем.

Поднялась с постели, разыскивая свою парчовую накидку, в комнате было прохладно. Наташа осталась на кровати. Начала, словно резвая козочка, прыгать по ней на коленках, возбуждённо заявляя:

— Давай, матюшка, вместе!

— Сейчас позову Просю и попрошу, чтобы она принесла сюда еду. И кашу, и пирожки.

Я уже придумала, как накормить малышку. Надела на себя накидку и шёлковые туфли-тапки.

Наташа довольно закивала и, резво соскочив с кровати, побежала к небольшому столу у окна.

— Матюшка, я в колукол зазвоню!

Не понимая, о чём она, я обернулась и увидела, как девочка схватила со стола небольшой колокольчик и затрезвонила.

— Прося, подь сюды! Прося! — важно закричала она, словно хозяйка, зовущая свою служанку, и продолжала трезвонить в колокольчик.

И так забавно это делала, что я рассмеялась.

— Матушка, можно мне войти? — раздался голосок от дверей, я обернулась.

Андрейка неуверенно мялся на пороге моей спальни. Увидев мальчика, я ощутила, как моё сердце глухо забилося. Как он всё же невероятно походил на моего настоящего сына! Тоже Андрея. Прямо лицо в лицо, даже мимика та же.

— Входи, милый.

Я расставила руки в стороны, как бы приглашая. Он бросился со всех ног ко мне, обхватив ручонками, и я тоже обняла его.

— Матушка, я сильным был, как ты всегда и велишь. И даже не плакал, когда тебя эти черти увели. Это Наташка всё ныла.

— Это не черти были, Андрюша, а просто злые люди. Они ошиблись, потому я и вернулась.

— Знаю, что люди, но ведут себя как демоны, потому так и назвал.

— Ясно, милый, но теперь всё уже позади.

— Люблю тебя, матушка, — заявил Андрей, так и прижимаясь головой к моей груди.

Я растрогалась. Отчего-то опять вспомнила про своего настоящего сынишку из будущего и его болезнь. У меня на глазах навернулись слёзы. Как же я хотела снова увидеть его! Прямо сердце защемило от тоски.

Тут же я вспомнила, зачем оказалась здесь. Для того чтобы помочь сыну. Раскрыть, чем же так нагрешили мои предки, что проклятье пало на наш род. Вдруг пришла мысль о том, что Андрюша Адашев не зря так невероятно похож на моего сына Андрея. Похоже, я была из этого рода. Точнее, мои давние предки были Адашевы, и старуха-цыганка не зря послала меня именно в это боярское семейство, а точнее, в тело Марфы.

— И мне дай полюбовать матюшку! — заверещала Наташенька, подбежав к нам, и обхватила ручонками меня и брата.

Прося появилась спустя пять минут, а затем принесла нам завтрак. Мы с детьми уселись за стол у окна на устланные мягким бархатом лавки. Ели пироги, кашу, мёд и орехи. Пили сладкий морс и травяной чай из мяты, ромашки и смородинового листа. Чёрного чая, как я поняла, пока не возили на Русь, потому что Прося не поняла, о чём я говорю.

Наташу всё же мне удалось немного накормить кашей. Почти семь ложек съела девочка, но и получила довольная свой пирожок.

— Ах, вот ты где, шалунья! — раздался вдруг строгий голос от дверей. — Я её везде по дому ищу, а она тут!

На пороге моей спальни застыла нянька. Прося только ушла за новой порцией пирожков, и мы были с детьми одни.

— Прости её, Агриппина. Мы просто вместе решили поесть, — объяснила я тётке.

— Грех-то какой, Марфа Даниловна! Трапезничать в спальне. Для того отдельная трапезная светлица есть, — воскликнула Агриппина. — И Андрей Фёдорович тут. А ну, пойдись сюда, проказник!

Нянька уже двинулась к нашему столу, чтобы, видимо, забрать детей от меня. Но я остановила её жестом.

— Оставь детей со мной, Агриппина. Мы поедем, а потом поиграем с ними немного.

— А я на что, сударыня? — опешила нянька, остановившись рядом с нами. — Я и поиграю с дитями, и гулять поведу. А ты делом займись лучше.

И что она всё время поучает меня? И каким таким делом мне следовало заняться?

Да, я собиралась чуть позже пройтись по усадьбе и осмотреть её. Но сейчас хотела провести несколько часов с детьми. Я видела, что малыши соскучились по мне и жаждали внимания. Как я и предполагала ранее, Марфа очень любила своих детей и, похоже, сама много занималась ими. Это чувствовалось, потому как они были открыты с ней и совсем не боялись.

Хотя я знала, что в царские времена дворяне редко занимались детьми и в основном перекладывали заботу и воспитание на нянек и гувернёров. Дети редко общались со своими родителями и душевной теплоты от матерей видели мало. Это было нормой того времени у дворян. Но я, выросшая в другом веке, считала это дикостью. Потому и хотела, чтобы малыши, если уж судьба послала меня в тело их матушки, ощущали мою любовь и заботу.

Недовольство и осуждение читались на лице Агриппины, и я решила всё же узнать, что она имела в виду.

— И что же мне следует делать с утра?

— Как что? — недоуменно ответила нянька. — Будто сама не ведаешь, боярыня. В церковь ступай, али дома в молельню. Поклоны Царю Небесному и святым бей челом да молись от души. Грехи замаливай. Как и делают все благочестивые боярыни по утрам.

Неужели? Я даже опешила на миг.

Захотелось, конечно, послать эту «умную» тётку подальше, но я сдержала свой порыв. Может, тут все бояре и боярыни и молились по утрам, но я-то была не из их числа. В нашем мире я даже в церковь не ходила и крещёной не была. Однако Агриппину не стоило поражать такими откровениями.

— И какие у меня грехи? Не знаю даже, — ответила я с ехидством, решив её позлить, уж больно лицо няньки было надменным и строгим в этот момент.

Но Агриппина не поняла моей издёвки, а приняла всё за чистую монету и важно ответила:

— Грехи всегда найдутся. Даже у чад малых. Вот Наталья сегодня чашку раскокала. Фарфоровую, дорогую. Её по рукам розгами отодрать надо, чтобы знала, что такое зло.

Боже! Что за тёмные люди вокруг, особенно эта тётка с грехами и розгами. Прямо жуть.

После слов няньки девочка испуганно захлопала глазками и быстро соскочила с лавки. Прижалась ко мне, словно ища защиты.

— Не бей меня, матюшка, — прошептала мне девочка на ухо, прячась за мою спину. — Я не делала зло. Та часька сама пала да разбилась.

Теперь я поняла, отчего Наташа поутру прибежала ко мне в спальню. Видимо, боялась розог няньки. А кто бы не боялся? Даже меня покорило от слов Агриппины о таком жутком наказании.

Я решила сразу на корню пресечь даже мысли няньки о каких-либо телесных наказаниях.

— Агриппина, чашка разбилась, и ладно. Не страшно. И бить своих детей я запрещаю. Ты поняла меня? Никаких розог и тому подобного.

Нянька удивлённо уставилась на меня и недоуменно спросила:

— Так без розог целебных они бесенятами вырастут, Марфа Даниловна. Как же их к добру-то приучить?

Глава 19

— Приучаться к добру без розог, — ответила я, недовольно взглянув на Агриппину. — Обещай, что бить их не будешь. Или тогда мне придётся другую няньку им искать.

— Я и сама уйду! — обиженно заявила Агриппина. — Только скажи, что я не угодна, боярыня, и всё. Это меня Кирилл Юрьевич просил помочь.

— И зачем ты обиделась, Агриппина? Ты мне нравишься. Ты же хорошая нянька и за детьми следишь умело, всё знаешь, как и чем кормить, и остальное. Я только прошу не бить розгами, и всё.

— Добро, Марфа Даниловна, уразумела я, чего велишь. Так и быть, останусь. Уж больно детки мне твои по душе, боярыня.

В общем, Агриппину я успокоила, и она ушла, а мы с малышами продолжили завтракать.

Утро я провела с детьми, они были счастливы. Заплела Наташеньке волосы короной на голове, и она долго разглядывала себя в зеркальце на ручке и довольно кивала.

— Теперь я красава? — спросила она, оборачиваясь ко мне. — Красава, как ты?

Я же поцеловала её в светлую макушку и, рассмеявшись, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.